

Б
Л
А
Т
О
С
Л
О
В
Е
Н
Н
Ы
Й

Виктор Коллингвуд

Книга 2

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 2

«Автор»

2026

Коллингвуд В.

Благословенный. Книга 2 / В. Коллингвуд — «Автор», 2026

Вторая часть приключений молодого учителя истории, попавшего в тело Александра I. Мальчик повзрослел, подрос, адекватно с ним выросли и проблемы. Пора уже играть по-крупному, брать власть в свои руки... а тут ещё все эти женщины!

© Коллингвуд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3*	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6*	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 2

Название: Благословенный. Книга 2

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/353770>

Глава 1

Весна девяносто первого года медленно, но верно вступала в свои права. Снег уплотнился, покрывшись прочным белоснежным настом, мириадами искр блестящим под редким весенним солнцем.

Я сильно вырос за последнее время. Моему телу всего лишь 13 лет, росту в нём уже два аршина шесть вершков*, а над верхней губой стал уже появляться светлый пушок. Я теперь вровень с Александром Яковлевичем и, пожалуй что, перерос Николая Карловича. Впрочем, последний, вернее всего, сказал бы на это своё фирменное: «Вы не выше, сударь, а длиннее», конечно, если бы набрался наглость разговаривать в таком тоне с наследником российского престола.

Есть, однако, и плохие новости: у меня начало ухудшаться зрение. Странно, но ровно то же самое произошло со мной в предыдущей жизни – по достижении подросткового возраста пришлось обращаться к окулисту. Тогда врачи сказали, что это связано с половым созреванием, и теперь, вполне возможно случилось та же история: уже не первый месяц у меня проявилось то, что кавалер Протасов деликатно называет «томлениями плоти» и «смутными сонными грёзами». По этому поводу даже заходил ко мне наведни доктор Роджерсон, первый лейб-медик императрицы, дружески потрепал меня по плечу, (это ничего; он со всеми такой), и расспрашивал на сей предмет весьма подробно. Я краснел, (что вообще очень легко мне даётся), бледнел, (это сложнее), «экал» и «бекал», изображая смущение, но однако же дал понять доброму медику, что с мужской физиологией у меня всё, вроде как, нормально. Последняя, кстати, немедленно была досмотрена и под циничные прибаутки этого излишне обрусевшего англичанина найдена вполне удовлетворительной. Почему-то я думаю, что подробнейший доклад об этом, во всех смыслах животрепещущем предмете, немедленно был представлен императрице.

На мой вкус, всё это было неприятно и довольно-таки бесцеремонно. Впрочем, людей тоже можно понять: у дедушки, как известно, был фимоз, долго не позволявший зачать папеньку. Ещё более скандальный случай имел место во Франции: там король Людовик 16-й по той же причине вообще семь лет не мог исполнять супружеские обязанности. Австрийскому императору (тестю скромняги Бурбона) пришлось специально ехать в Париж, дабы уговорить этого бестолкового толстяка радикально, скальпелем, решить свою маленькую проблему.

Константин Павлович тоже сильно вытянулся, хоть и отстаёт от меня примерно на полголовы. Впрочем мы во многом похожи: у нас белокурые волосы, тонкая кожа, которая очень легко при малейшем волнении пламенеет румянцем, сочные алые губы. И только отчаянно курносый нос Константина отчётливо демонстрирует, что он – почти точная копия своего отца, я же, несомненно, пошёл в матушку. Ещё он крайне вспыльчив и очень силен – весьма опасное сочетание! Уже не раз пускал он в ход свои кулаки, поколачивая то лакеев, то пажей, и притом крайне невосдержан на язык. По этому поводу я уже несколько раз говорил с нашим воспитателем Салтыковым, что с младшим цесаревичем что-то не так, но пока добился лишь, что Константин стал считать меня ябедой. Вообще в отношении его ко мне всё чаще стал ощущаться некий дух соперничества, особенно обострившиеся после известной Выборгской истории. Константин Павлович очень сильно обиделся на меня за то, что я не взял его тогда с собою; а славословия в мою честь, следовавшие после «достопадной Выборгской баталии», как водится при дворе, совершенно неумеренные и даже гротескные, вызвали в нём понятную зависть и раздражение.

Кстати, достались мне не только ордена и похвалы. С отъездом Павла Петровича и Марии Фёдоровны в Гельсингфорс освободились некоторые ранее занимаемые ими должности. И угадайте – кто у нас теперь генерал-адмирал Российского флота? Как-то вот!

Вихрь дворцовых развлечений, следовавший после Измаила и победы над Швецией, постепенно стих, уткнувшись в Великий пост. Впрочем, главное торжество ещё было впереди: «Светлейший князь» Потёмкин, вновь приехавший в феврале в Петербург, готовил грандиозный праздник в Таврическом дворце, повторно подаренном ему Екатериною. И если о приезде Потёмкина слышал и судачил весь свет, то появление в Петербурге Суворова прошло совершенно незамеченным: даже я, тщательно отслеживавший его судьбу, узнал об этом чисто случайно.

В тот день у нас Константином был урок алгебры. Вместо Николая Карловича, крайне занятого артиллерийскими экспериментами, проводил его некий Шарль Массон, секретарь Николая Ивановича Салтыкова.

Сегодня мосье Массон был как-то по-особому взбудоражен.

– Ваше Высочество, вы ещё не слышали? Суворов в Петербурге! Приехал, как говорят, к дочери, выпускнице из Смольного института. Поговаривают – тут Шарль понизил голос, – господин скороспелый граф сильно фраппирован назначением своей дочери камер-фрейлиной императрицы! Он просто места себе не находит! Пришёл к графу Николаю Ивановичу, и чуть не плачет! Говорит: «Что я, не знаю обычаев этих? Баронесса фон Мальтиц торгует фрейлинами, как репою на базаре! Спаси, друг любезный, подскажи, чем тут помочь?»

Гм. То, что граф Суворов-Рымникский в Петербурге, конечно, здорово. А вот то, что тут замешаны какие-то придворные тёрки – совсем нехорошо...

– А дочь у Суворова, надобно сказать, дура-дурую! – секретарь Салтыкова уже просто захлебывался рвущимися из него новостями. – Тот к ней приехал в Смольный, она ему при встрече и говорит: «Папенька, вы так выросли с тех пор, как я вас последний раз видела!» Ха-ха-ха!

– И что, она действительно это сказала? – поразился братец Константин.

– Именно так, честное благородное слово!

– Воистину, слабоумная дура. Вот же не повезло графу!

– Увы, частые возлияния Бахусу влекут ужасные последствия, особенно для потомства!

Граф же, как известно, в отношении этом совершенно неумерен!

– Отчего же вы думаете, что он выпивает? – поразился я.

– Ну так, понятное дело, то кувыркается голым поутру, то петухом поёт... Кто же это сделает на трезвую голову!

Ну, всё, это мне надоело.

– Дочь Суворова, если действительно встречала графа подобным образом, как вы, мосье, описываете, получается, произнесла очень тонкую и смешную шутку. Считать её слабоумною только за то, что вы не поняли её смысла – преизрядная несправедливость!

– Ха. И в чем же тут шутка? – иронично спросил меня Костя.

– Ну, вот смотри, Константин Павлович: что говорят нам с тобою при встрече господ, которые давно нас не видели?

– Ну, что... «Какое счастье видеть вас вновь, Ваше Высочество...»

– А ещё?

– «Прекрасно выглядите, возмужали, выросли, должно, перерастёте скоро папеньку...»

– Воот! Видишь, решительно все говорят нам, что мы с тобою *выросли*. Мы и вправду быстро росли последние годы, но для придворных это незаметно, потому как они видят нас каждый день. А вот люди, появляющиеся при дворе лишь время от времени, это сразу подмечают!

– Ну, так и что?

– Суворов дочь свою видел редко, потому что он вечно в войсках. И каждый раз, как посещал её в Смольном, конечно, говорил: «Как ты выросла!» Вот она и запомнила эту фразу, и решила пошутить.

– Так в чем шутка-то? Суворов, думаешь, и правда вырос, в шестьдесят-то лет?

– Она таким образом передразнила отца, всегда говорившего ей при встрече: «Ты так выросла!». А Суворов, если хочешь знать, последние годы и вправду сильно поднялся, только не в росте, а в чинах и во мнении общества. На это дочь его и намекала! Она теперь впервые увидела отца своего графом. Ты, Константин Павлович, ещё маленький, тебе не понять этой шутки простительно, а вот человеку взрослому не разгадать столь нехитрый ребус, право, позорно!

Я повернулся к Массону, покрасневшему от досады.

– Знаете, сударь, ступайте-ка вы прочь! Я не могу доверять свои мозги такому тупоумному господину. Математика, пожалуй, подождёт до возвращения господина Бонапарта!

– Но я имею указание графа Салтыкова... – начал было Массон, но я прервал его.

– Ступайте, если не хотите скандала. А с начальством вашим я сам поговорю, в том числе и по поводу вашего недостойного поведения!

Месье Шарль, надувшись, собрал свои учебники и чертежи и с недовольным видом нас покинул.

– А ловко ты от него отделался! – восхитился Костик. – Пойдем в же-де-пом резаться!

– Пойдём. Только надобно мне послать за Суворовым – очень хочу его видеть!

***

Александр Васильевич был всё тот же, только поседел окончательно, похудел, а морщины на лице обозначились ещё резче. Явился он без парика, который, как любой нормальный человек, люто ненавидел. Полностью разделяя его чувства по этому поводу, я особо указал в записке парика для визита ко мне не носить.

Победитель Измаила был невесел; лицо его, всегда живое, покрыто было затаённой грустью, будто у человека, страдающего ноющей зубной болью.

– Александр Васильевич, чрезвычайно рад встрече. Как звать вас теперь? «Ваше сиятельство»?

– Зовите хоть горшком, Ваше высочество, только в печь не отправляйте!

– Давайте тет-а-тет просто по имени-отчеству, ну а на людях, как обычно, по этикету. Здоровы ли вы?

– Спасибо, вполне!

– А Кутузов-то, что слышно, поправляется?

– Кажется, да. Вот такая у Михаила Илларионовича планида – получать тяжкие раны, но всё не смертельные. Видно, судьба его к чему-то бережёт...

– Да и ваша звезда отнюдь не простая! Успех ваш под Фокшанами на Рымнике долго будет примерами полевого сражения, ну а взятие Измаила всегда будут помнить как беспрецедентное. Вас наградили должным образом за сию викторию, Александр Васильевич?

Облачко досады омрачило взгляд Суворова. Нет, не наградили его как должно. Дали какой-то золотой блин; не этого жаждет тот, чьё сердце живет битвой. Но по тусклому ответному взгляду полководца я понял, – он не унижится до того, чтобы жаловаться.

– В наградах Ея Величество щедры и к слугам своим благорасположены. Я же монаршую волю не вправе обсуждать!

– Ах, Александр Васильевич! Мы оба же знаем, о чем идёт речь!

За Измаил Суворов хотел чин фельдмаршала или генерал-адъютанта. Но, в России, хотя местнические книги уж сто лет как сожжены, но сама идея местничества вполне себе жива, цветёт и пахнет. По выслуге лет фельдмаршалом первым должен быть назначен Салтыков – тот самый, что начальствует над моими воспитателями, и, затем, Репнин – неплохой полководец, хоть и не хватающий звезд с неба, а потом уже Суворов. И императрица вынуждена была за такой, несомненно исключительный подвиг, как Измаил – ведь взятие крепости прямым

штурмом, это, прямо скажем, вещь выдающаяся, – отделаться ничего не значащей памятной медалью.

А Суворов ведь другого хочет. Даже не чинов, нет, это для него лишь инструмент, – чем более высокое положение он занимает, тем более полезен может быть Отечеству, тем больше солдатских жизней сохранит, больше разобьёт неприятеля.

– Я даже слышал, впали вы в немилость. О чём же поспорили со Светлейшим?

Александр Васильевич нахмурился.

– Признаюсь прямо, Александр Павлович – озадачен. Светлейший князь Потёмкин известен как человек всемогущий, а потому не обращающий внимания ни на родовитость, ни на чины, а токмо на личные качества. Собирался он в Петербург, стал решать, кто в его отсутствие будет главнокомандующим. Я льстил себе надежду, что все мои победы за последние два года дают мне право надеяться занять сей пост на время отлучки светлейшего князя. Но тот, как ни странно, оставил после себя князя Репнина! Ещё и донеслось до меня, что выражались на главной квартире в мой адрес совсем нещепетильно: мол, оставь Суворова главным – он или на Царьград пойдёт, или всю армию сумасбродствами угробит. Ну, а раз так – что же не в армии делать? Лучше поеду сюда, дочерину судьбу устраивать!

– Беспокойтесь за дочь свою, не так ли?

Я знал, что Суворов очень волновался за судьбу дочери. Это единственный его ребенок, из тех, кого он признаёт. Есть ещё сын, но в его отцовстве полководец сомневается.

Так или иначе, я хотел бы помочь ему, только вот не знаю, пока, как. Ещё и согласится ли этот гордый человек принять мою помощь?

– Я тут слышан про ваше затруднение с назначением дочери вашей, Александр Васильевич, и думаю что знаю, как решить это дело. Вас ведь смущает, что Наталья Александровна будет вынуждена ночевать в покоях государыни императрицы? На самом деле не думаю, что здесь есть хоть какая-то опасность...

На лице Суворова при этих словах проявилась упрямая непреклонность. Наверное, с таким вот выражением лица шёл на костёр прототип Аввакум, умереть за право налагать на себя двоеперстное крестное знамение.

– ...но всё равно непременно вам помогу!

Итак, с бедою этою надо было идти к кому-то очень близкому к Екатерине, кто знает, как с нею об этом поговорить. Мне на этот щепетильный предмет разговаривать было противопоказано: во-первых, было бы очень странно, если бы я, отрок двенадцати лет, завел бы разговор о судьбах камер-фрейлин императрицы. Она, пожалуй, увидала бы тут чьи-то влияния, насторожилась и начала разнюхивать, что за крыса залезла в покои её дорогого Сашеньки, да так глубоко, что заставляет отрока ходатайствовать в делах, совершенно его не касающихся. Нет, нужна была женщина, которой Екатерина доверяет, а таковых было ровно две штуки: Перекусихина и Протасова. Поговорить с ними я мог, но в обоих случаях были затруднения.

Мария Саввишна, безусловно, добрая душа; но заставить её для конфиденциального разговора было не так просто, да к тому же она могла по простоте душевной передать бабушке наш разговор, чего мне крайне не хотелось. Протасова была похитрее, но наверняка разболтала бы всё Александру Яковлевичу, а тот начнёт свои нравоучения; да и не факт, что эта стервозная дама помогла бы мне. В общем, дилемма!

Пораскинув мозгами, я, однако, смекнул, что, когда Екатерина занята государственными делами, и камер-фрейлина, и статс-дама находятся явно не при ней. И сразу после фриштыка, отпросившись на короткое время у Ла-Гарпа, поспешил к покоям Екатерины.

У входа меня встретил камердинер Захар.

– У государыни уборка, никого не велено пущать! – сообщил он.

– А Мария Саввишна здесь?

– Да, надзирают!

– Позовите её, пожалуйста!

Захар, немного обиженный, ушёл в покои. Не всем нравится, что я обращаюсь к ним на «вы» – иные принимают это за «холодность и манерность».

Вскоре дверь отворилась, и Мария Саввишна в домашнем салопе вышла наружу.

– Ты звал меня, Александр Павлович? Соскучился, аль случилось что?

– Посоветоваться хотел!

И я рассказал ей историю с Суворовым и его дочерью.

– Дурак он, как есть! – заключила та. – Нешто у нас тут дом терпимости?

– Ну, может и дурак. Но он – генерал-аншеф, что должен сейчас воевать, а он вместо того мечется по Петербургу, места себе не находит, баронессу Мальтиц всё ругает последними словами. Как бы этот вопрос с бабушкой разрешить, только так, чтобы Александру Васильевичу не навредить?

– Да она и так уж знает, что он блаженный. То кувыркается голым, то спьяну Очаков штурмовать кидается, то петухом кричит. Ему милость такую оказали, дочь сначала в Смольный определили, хоть и не положено, теперь ажно в камер-фрейлины, а он...

– Ну, Мария Саввишна, он человек простой, вояка, солдат. Политесам не обучен. Ему бы помочь надо!

– Ладно, подумаю я. Приходи, как Екатерина Алексеевна будет на куртаге. Я не пойду: стара стала!

Весь день думал я, как тут можно помочь. Нужен, в сущности, благовидный предлог, чтобы Наталья Александровна Суворова не ночевала во дворце. Нельзя же сказать императрице: «Суворов Александр Васильевич не желают, чтобы его дочь ночевала во дворце, потому как считают наш Двор за вертеп разврата»! А каков же может быть «хороший» предлог? Если подумать – только замужество, но это дело долгое – поиск жениха, разрешение императрицы, всё такое. А больше-то, по сути, ничего и не придумаешь. Хотя...

Пришедшая мне идея оказалась столь интересной, что не было никакого терпения отложить её проверку. Вновь отпросившись у Ла-Гарпа, я отправился к Протасову, благо далеко идти не пришлось.

– Александр Яковлевич, вы, наверное, знаете: у Суворова ведь кроме дочери есть еще и сын?

– Да, только тот его не признает – считает незаконным.

– А он ведь помладше дочери?

– Да, вроде бы...

– А живет в поместье?

– Конечно. Где же ему ещё быть?

– Спасибо, это всё, что я хотел узнать.

После обеда мы увиделись с Марией Саввишной в церкви.

– Я вот что придумала, мой свет: давай, Александр Васильевич скажется больным, а Наталья попросится за ним ходить. Её и отпустят жить к нему на квартиру. Он живёт-то где? А там как-нибудь и оставим её там.

– Живёт он, вроде, в доме у племянника. Только больным он долго не сможет притворяться, тем более, императрица может послать к нему своего медика. Но я придумал иное: у него сын есть, младше дочери. Вот бы сделать так, чтобы он забрал его от матери в Петербург, а Наташу его приставить к брату.

– А отчего он отымет сына-то от матери?

– Да они вроде на ножах, даже и не признаёт он сына своим. Заберёт от «развратной матери» на воспитание в Петербург. Это верное дело – старшая сестра его будет единственным человеком, что может за ним ухаживать. Скажи императрице, мол мальчик спать ночами боится без родного человека рядом, ну, или что-то такое...

– Думаю, пойдёт, – по-доброму улыбнулась пожилая женщина. – А ты, я гляжу, ловок не по годам. Интриган, прямой интриган!

– А что делать, Мария Саввишна! Во дворце росту, тут простых-то людей наперечёт, только вы да вон Константин Павлович!

– Да, это ты правду сказал. Я никогда политесами не занималась, и с этим ко мне не подходи. Так, помочь кому в несчастье – это можно, а всякие интриги – нет, не моё. А Костя – славный мальчик, добрая душа, но только что-то тянет его не туда...

Тут я мог только согласиться. Последнее время Константин сильно изменился; характер его необратимо портился. Несдерживаемые в юном возрасте порывы приобретали теперь угрожающие формы, и Сакен уже совершенно с ним не справлялся.

Написав Александру Васильевичу записку с просьбой прибыть ко дворцу, я дождался его у Салтыковского подъезда и, дабы не проводить вновь Суворова внутрь, заскочил в Хвостовскую карету.

Несмотря на трескучий мороз, Суворов сидел в ней без шубы или епанчи, в одном мундире.

– Спасибо, что подъехали, Александр Васильевич. Я тут по вашей дочери всё придумал. Вот смотрите, у вас там есть сынок еще, Аркадий.

Суворов хотел было что-то возразить, но я перебил его.

– Да-да, я знаю что вы его не признаёте. Слушайте, мысль у меня такая. Аркаша ваш – или не ваш, это в данном случае безразлично, – приезжает в Петербург, скажем, для обучения наукам. Вы через Марью Перекусихину просите дозволения Наталье Александровне проживать с братиком, который по малолетству один находиться не может. Императрица, несомненно, войдёт в положение, и позволит ей жить у родственников. Вы ведь живете сейчас у ...

– Хвостова, Дмитрия Ивановича, сенатора.

– Ну, вот, там она и будет проживать!

На лице Александра Васильевича я заметил борьбу противоположных чувств – сомнения и надежды. Прежде чем ответить мне, он замаялся.

– Александр Павлович, дорогой мой человек! Всё вы здорово придумали, только вот одно обстоятельство всё портит – нет у меня сына, и это все уж знают!

И уставил на меня твёрдый взгляд своих серо-голубых глаз.

– Александр Васильевич... Ну вот, что поделать – не всегда мы в жизни побеждаем, иной раз и отступить приходится, и поступиться чем-то. Верно, послал Вам Бог такое вот испытание – смирить гордыню требует. Вы же наверняка возгордились после Рымника и Измаила? Я так вот после Выборга долго ходил, задрав нос, пока не понял, по здравому размышлению, что заслуги моей там было – чуть да маленько. Но, как местные льстецы начали в уши дуть – то с Александром Великим меня сравнивали, по созвучию имени, то с Октавианом, признавая Выборгское сражение равным за морскую победу его при Акциуме... Хоть все знают, что Македонский Александр на море и не воевал никогда, а победу над Антонием одержал не сам Август, а его генерал, Агриппа. В общем, подумал я, и понял, что победил под Выборгом отнюдь не я, и даже не адмирал Чичагов, а больше всего матросы наши и морские офицеры.

Лицо Суворова слегка смягчилось. Я знал, что он недоволен шумихой, открывшейся по поводу «моей» победы под Выборгом, на фоне которой даже беспримерное взятие Измаила не получило при дворе должной славы.

– Так что вы подумайте, что тут можно сделать. Вариант, предлагаемый мною, верный. Но, поверьте, в любом случае, удовлетворят ли ваше ходатайство или нет, ни один волос не упадёт с головы дочери вашей. Н и о д и н! Ежели что – пусть обращается сразу ко мне!

Тут только Александр Васильевич повеселел: глаза его засверкали, будто кто-то замшевой кожей стёр пыль с голубых бриллиантов.

– Уповаю на вас, Ваше Высочество!

***

Через несколько дней Александр Васильевич подал просьбу о разрешении дочери его, камер-фрейлине Суворовой, ночевать в доме племянника, Дмитрия Хвостова, для ухода за малолетним сыном Аркадием, присланным в Петербург для обучения наукам. Я от себя присовокупил просьбу назначить указанного Аркадия Александровича Суворова моим пажом. Обе бумаги через Марию Саввишну поступили к императрице.

Екатерина не только утвердила их обе, но выразила притом свое удовольствие. Она, конечно, слышала про историю с непризнанием Суворовым отцовства над сыном и уж не раз уговаривала его смягчиться. Впрочем, тучи над Суворовым не развеивались: ссора с Потёмкиным обещала ещё дать о себе знать.

Два аршина шесть вершков* – около 169 см. (прим).

Глава 2

– Мы пропали. Господи всемогущий, мы пропали! Нам не дадут выехать из этого проклятого городишки... И всё из-за вашей нерешительности!

– Успокойтесь, мадам! Утром придут наши войска. Положитесь во всём на Провидение. В конце концов, что нам ещё остаётся?

– Вы с вашей бестолковой политикой... Это всё из-за вас! Ни в одном государстве Европы не случилось подобного позора; лишь в бедной Франции, непонятно чем прогневавшей небеса, ниспославшие ей на трон такое ничтожество!

– Тише же! Нас могут подслушивать. Мадам, да успокойтесь же, наконец! Утром всё решится!

«Мадам Рошетт», она же Мария Антуанетта, гневно отвернулась к стене, поглаживая белокурые головки своих спящих детей. Определённо, это ужасный день никогда не кончится!

Прошлую ночь королевская чета провела без сна. Сначала они бежали из Тюильри. В полночь королева, убедившись, что всё спокойно, и как обычно, ночная стража из национальных гвардейцев заступила на свои места, поспешила к комнате дочери, тихонько постучавшись в дверь. Как только маленькая принцесса проснулась, Мария-Антуанетта тотчас позвала господа, замещающую её гувернантку. Та страшно удивилась неожиданным приказом королевы быстро одеть ребёнка, но исполнила его без возражений. Мария-Антуанетта тут же разбудила и дофина, распахнув бархатный, шитый золотом балдахин и нежно прошепав ему:

– Вставай, дорогой мой! Мы немедленно уезжаем! Сейчас же всем семейством мы отправляемся в крепость, где много солдат, и все будут в безопасности». Сонный маленький принц думал одеться солдатом, но его гувернантка, давно посвящённая в тайну, объяснила ребёнку, что они едут на костюмированный бал, и нарядила его девочкой.

На улице их встретил граф Ферзен, любовник королевы, в костюме кучера. Он должен был отвезти их к большой карете, подготовленной для побега.

Король бежал из дворца отдельно от жены и детей. Облачившись в скромный серый сюртук, грубый парик и круглую лакейскую шляпу, он беспрепятственно прошёл по пустынному ночному дворцу и совершенно свободно миновал пост Национальной Гвардии внизу у входных дверей. Тут уже ждали верные люди. Вдоволь поплутав по ночным улицам Парижа в открытом экипаже, его наконец-то отвезли к огромной карете, где король воссоединился с семьёй. На козлах сидел верный слуга короля, шевалье де Валори. Фиакр подогнали вплотную к экипажу, и король перебрался туда, не ступая на землю. Наконец-то все разместилась с удобствами.

Граф рванул за удила лошадей, запряженных в фиакр, так, что тот опрокинулся. Перевернутый, будто из-за несчастного случая, экипаж бросили на дороге. Сопровождавшие их дворяне, Мустье и Мальден, вскочили на освободившихся лошадей, Ферзен сел на козлы дорожной кареты. Его работа кучера ещё не закончилась.

Шел первый час ночи, когда экипаж, сопровождаемый всадниками, оставил заставу Сен-Мартен. Мустье и Мальден скакали рядом с экипажем. Оба были теперь одеты в платье правительственных курьеров – желтого цвета камзолы, лосины, круглые шляпы. Они должны были объявлять, что в карете везут казну – деньги для армии, стоявшей у границы. Третий заговорщик, шевалье де Валори, в таком же обличье курьера был отправлен далеко вперед, чтобы заблаговременно готовить сменных лошадей. Граф Ферзен не переставал нахлестывать лошадей. Экипаж весело несли в кромешной тьме безлунной ночи. Так беглецы доехали до Бонди, последней заставы Парижа. Здесь граф Ферзена должен был расстаться с королевской четой; вместо него на козлы сел Мальден. При первой же смене лошадей решено было нанять настоящего кучера.

Король вышел из кареты, и граф низко поклонился ему. Тучный монарх неловко обнял стройного шведа и сказал, что никогда не забудет того, что граф для них сделал. Королева из кареты не вышла, но занавеска поднялась, и они обменялись взглядами... и какими взглядами! Всем троим сейчас было не до пересудов и ревности, – на кону стояли жизнь и смерть.

Первые успехи вселили в беглецов надежду. Скакавшие рядом дворяне слышали непрерывный смех и веселый голос Антуанетты за занавеской кареты.

– Я представляю лицо Лафайета! – громко говорила она, заливаясь смехом. – Если они и хватились нас, то только сейчас, а значит, мы выиграли целую ночь!

Король, казалось, не разделял оптимизма супруги, с печальным видом отвечая ей:

– Мадам, я неудачник в жизни и по-прежнему сомневаюсь, что путешествие наше удастся!

– Чего же мы тогда делаем здесь, Ваше Величество?

– Мы обязаны были попытаться! Бегством из собственного дворца я покажу своему народу, что его король несвободен и должен бежать из своей столицы, как из неволи. Я оставил в своих апартаментах на камине воззвание к народу, объясняющее произошедшее!

Как условились граф Ферзен и генерал Буайе, командовавший единственной оставшейся верной королю армией, на всем пути следования экипаж должны были поджидать отряды, высланные генералом. Они должны были обеспечить полную безопасность движения от Шалона до границы. Первый эскадрон гусар, по плану, будет ожидать карету у въезда в Шалон, другой отряд – в Понт-де-Соммевеле, пятьдесят драгун – в Сен-Менеуле, отряд графа де Дама – в Клермоне и, наконец, еще один гусарский эскадрон должен встретить августейшую семью в Варенне. Любой отряд мог легко освободить карету, если ее задержат. Гусарами в Варенне, последнем городе на пути к границе, командовал сын генерала Буайе. Он и должен был доставить карету к своему отцу, после чего сам Буайе во главе немецкого полка (на французских солдат полагаться было опасно) сопроводит Его Величество до границы.

Таков был план. Но в Шалоне никакого эскадрона, который должен был встречать их у заставы, Мустье не увидел. Он, однако, решил не расстраивать короля, ни слова не сказав ему об этом. Зато здесь удалось найти опытного кучера со свежими, крепкими лошадьми. Эта удача вселила великое оживление в короля. Он сказал, что «его звезда впервые благоволит ему», ибо загадал: если они благополучно проедут Шалон, то оставшаяся часть пути не доставит никаких трудностей. Королева расхохоталась и посоветовала всегда слушаться ее.

Вскоре карета покинула город. Занимался рассвет, и домики на окраине утопали в сонной тишине и цветах. Король пришел в самое беззаботное, веселое расположение духа и первый раз заговорил о еде. Восьмерка лошадей споро тянула тяжелую, громоздкую карету по запыленной, извивающейся, словно ручей, дороге. Все располагает к хорошему настроению: дети выпалились, король был больше обычного оживлен. Все бойко подшучивали над ролями, которые приходится играть беглецам: госпожа де Турзель теперь – знатная русская дама мадам де Корф, королева – мадам Рошет, гувернантка ее детей, король в ливрее лакея – дворецкий Дюран, мадам Елизавета – камеристка, а дофин превратился в девочку. В сущности, в этой удобной карете августейшая семья чувствовала себя свободнее, а члены её – ближе друг другу, нежели дома, во дворце, под неусыпным наблюдением многочисленной прислуги и шестисот национальных гвардейцев. Вот уже заявляет о себе верный друг Людовика XVI – никогда не покидающий его аппетит. Извлекаются обильные припасы, едят вдоволь, на серебряном сервизе, из окон кареты летят куриные кости, пустые винные бутылки; не забывают и славных лейб-гвардейцев. Дети, в восторге от приключения, играли на полу кареты; королева весело болтала со всеми, король достал карту и с большим интересом следил за маршрутом от села к селу, от деревушки к деревушке. На почтовых станциях никто не интересовался паспортом баронессы Корф, в сердцах беглецов росла надежда на успех.

Преисполненные надежд, беглецы въехали на станцию, где их должен был ожидать герцог Шуазель со своими гусарами. Королевская чета уже предвкушала, что уже вскоре будет покончено со всяким притворством и обманом, можно будет отбросить шляпу лакея, порвать фальшивые паспорта, услышать наконец "Vive le Roy! Vive la Reine!". Полные нетерпения, защищая глаза ладонью от заходящего солнца, напряженно всматривались они вдаль, чтобы издали увидеть блеск гусарских сабель.

Напрасно. Вместо эскадрона появился один-единственный всадник, сообщивший, что никаких гусар тут нет.

Хорошее настроение беглецов немедленно испарилось. Что-то тут неладно! К тому же темнеет, близится ночь. Очень страшно было ехать снова вперед, в неизвестность. Но пути назад нет, остановиться тоже нельзя, у беглецов одна лишь дорога – дальше и дальше. Королева мужественно утешала своих спутников, уверяя, что в Сент-Менегу, всего в двух часах езды отсюда, стоят драгуны, и уж там-то они будут в безопасности.

Эти два часа длились дольше, чем целый день. Но – еще одна неожиданность: и в Сент-Менегу не оказалось эскорта! Их встретил лишь командир драгун, оставленный своими солдатами. Его кавалеристы долго ждали, сидя в придорожных трактирах; там они, само собой, напились, стали шуметь, да так, что подняли на ноги все население городка. Когда командир сообразил, что разумнее вывести солдат из городка, и дожидаться в стороне от дороги, было уже поздно – пьяные солдаты оказались полностью «распропагандированы» горожанами.

Наконец пышная карета, запряженная аж восьмеркой лошадей, оказалась в поле зрения горожан, и так уже наэлектризованных чередой странных событий, происходящих последние сутки в городе. И случилось неизбежное – некий Друэ, сын местного почтмейстера, член Клуба якобинцев и ярый республиканец, обратил внимание на странный экипаж. Немедленно распространяется слух – то ли пришло сообщение из Шалона, то ли подсказал инстинкт народа, – что в карете была королевская семья. Все приходит в движение; командир драгун быстро понимает нависшую опасность и хочет выслать эскортом своих солдат вслед беглецам, но уже поздно: хорошо подогретые вином драгуны уже братались с народом, не слушая команд офицеров. Кое-кто из решительных молодых людей поднялся на колокольню и начал бить тревогу, и в этой суматохе сынок почтмейстера Друэ дал указание двум приятелям немедленно седлать коней и кратчайшим путем скакать галопом в Варенн. Опередив тяжелую карету, там можно будет спокойно и обстоятельно побеседовать с этими подозрительными пассажирами, и, если в ней и в самом деле король, то сам Бог не спасет его!

Когда карета выехала из городка, король поднял занавеску и засыпал бедного Мустье раздраженными вопросами:

– Что происходит?.. Где, наконец, солдаты, которые должны быть по всей дороге? Почему нас никто не встречает?

Но Мустье нечего было сказать королю. Он выразил лишь надежду что солдаты, видимо, ждут их в Клермоне.

Но в Клермоне случилось то же, что и в Сен-Менеуле – их опять никто не встретил. Отчаявшийся Мустье направил карету к трактиру, и история повторилась: из окон слышались пьяные крики солдат, а у дверей расхаживал граф де Дама. Он торопливо подошел к дверце кареты и заговорил шепотом с королем, сидевшим за опущенной занавеской:

– Ваше Величество, я – это все, что осталось от моего отряда. Остальные сейчас пьянствуют с национальными гвардейцами. Быстрее уезжайте, Ваше Величество!

И гигантская карета короля по извилистой скверной дороге отправилась дальше, в Варенн.

Сутки пути в накаленном солнцем экипаже утомили августейшую семью; усталые дети клевали носом, король сложил свои карты, королева замолкла. Еще час, всего лишь один час – и они под охраной надежного эскорта. Но вот новая неожиданность. На последней предусмот-

ренной планом побега станции, под городом Варенном, не просто не было никаких солдат, но даже лошади оказались не подготовлены! Оказалось, высланный вперед парикмахер короля Леонар путаными, сбивчивыми сообщениями убедил офицеров, которым поручено ожидать здесь беглецов, что король не явится.

Чёрт бы побрал этого идиота!

На усталых лошадях беглецы отправились дальше, в Варенн, в надежде, что там удастся их сменить. И тут – новая неожиданность: под аркой городских ворот к фореитору подбегают несколько молодых людей с криком: «Стой!» Мгновение – и оба экипажа окружены толпой юнцов-санкюлотов. Прибывший сюда десятью минутами раньше Друэ со своими единомышленниками собрал всю революционную молодежь Варенна, кого вытащив из постели, кого – из трактира. «Паспорта!» – потребовали они.

Разумеется, никто не собирался демонстрировать паспорта голодранцам, и для досмотра документов пришлось проследовать к представителю власти. Мэр, мелкий лавочник, бегло просмотрев паспорта, заявил «Все в порядке» и разрешил ехать дальше. Но мерзавец Друэ, не желающий признаваться себе и окружающим, что он поднял этот шум зря, вдруг ударил по столу кулаком и заорал:

– Это король и его семья, и если вы выпустите их из страны, то будете обвинены в государственной измене!

От такой угрозы у мэра душа ушла в пятки, а тут товарищи Друэ ударили в набат, подняв город по тревоге. Возле карет выросла толпа, не дававшая сменить лошадей. Чтобы выпутаться из затруднительного положения, мэр предложил госпоже «баронессе Корф» переночевать со своими домочадцами у него – ведь уже поздно, не ехать же дальше ночью. Поколебавшись – ничего лучшего все равно не придумать, к утру же драгуны явятся наверняка, – король принял приглашение.

Через час-другой здесь должны появиться Шуазель с драгунами, или Буйе с гусарами. И Людовик XVI в парике лакея спокойно входит в дом; и первое его государственное деяние в городе Варенн – он требует бутылку вина и кусок сыра.

Тем временем «лучшие люди города» спешно раздумывают, что же со всем этим делать. Так далеко отстоит в те времена маленький французский городок от великого недосягаемого двора, что ни один из этих подданных короля никогда не видел его лика иначе как на монетах. Поэтому решено послать за каким-нибудь аристократом, чтобы наконец-то выяснить, действительно ли неизвестный путешественник – лакей баронессы Корф, или же это Людовик XVI, христианнейший король Франции и Наварры.

А пока королевской семье приходится ждать в этом ужасном месте. Дом мэра скромен: внизу, из маленькой лавчонки, на второй этаж, скрывающий беглецов, пробиваются затхлый запах колбасы, прогорклого масла и пряностей; В двух убогих, с низкими потолками и скудной обстановкой, помещениях, все восемь беглецов: королева, король, мадам Елизавета, оба ребенка, гувернантка и горничные, расположились, кто сидя, кто стоя. Смертельно усталых детей уложили в постель, и под защитой мадам де Турзель они тотчас же заснули. Королева, опустившись в кресло, спустила вуаль на лицо; никто не должен видеть ее раздражение и гнев. Один лишь король сразу же начинает устраиваться по-домашнему, – спокойно садится за стол и ножом отрезает от головки сыра огромные куски.

У двери тотчас же встают гвардейцы нового времени, ничего общего не имеющие с блистательными гвардейцами Версаля, – двое крестьян с сенными вилами в руках.

Наконец слышен цокот копыт, и одновременно раздается дикий крик сотен людей: «Гусары! Гусары!».

Но это были не гусары.

У дома мэра остановился большой тёмный экипаж, сопровождаемый небольшим отрядом странных, варварского вида всадников. Из кареты вылез огромного роста господин с

лицом, украшенным шрамом от страшного сабельного удара. В сопровождении своих бородатых спутников и одного француза здоровяк совершенно бесцеремонно поднялся на второй этаж и, не обращая никакого внимания на крестьян с вилами, он вломился комнату беглецов.

Внезапное вторжение застало их врасплох. Мадам Турзель бросилась защищать детей; взглянув на не знакомого ей громилу, перевела взгляд на сопровождавшего его господина и тут же узнала шевалье Ружвиля, человека, которого видела возле себя во дворце сотни раз и о котором знает, что он – отважный, безумно смелый человек.

– Господа! – обратился Ружвиль, но не к беглецам, а к властям города. – Этот господин – барон Корф. Он русский, и не говорит на нашем языке. Его супруга, баронесса Корф, покинула его вместе с прислугой, собираясь бежать в Брюссель, к любовнику. Барон настиг их, и теперь собирается возвратить всех в Париж.

– Отлично! – проворчал мэр, довольный, что эта дурацкая ситуация, наконец, разрешилась, и остаток ночи можно будет посвятить сну. – Забирайте их, и пусть проваливаются.

Но возникли затруднения.

– Мы никуда не поедem! – заявил вдруг «дворецкий». Мы будем сидеть здесь, и ждать, когда придут гусары!

Услышав это, русский господин что-то гневно заговорил на своём тарабарском наречии.

– Умоляю вас, Ваше величество, будьте благоразумны! – тихонько произнёс Ружвиль. – Уверю вас, это ваше последняя надежда!

– Вы готовы поручиться, что всё пойдёт благополучно? – нервно спросил король.

– Я готов поручиться, что это ваш единственный шанс! – отвечал тот.

Пока король колебался, драгоценные минуты уходили в песок. И тут русский господин потерял терпение. Взревев, он отвесил несчастному монарху чудовищную оплеуху; затем, не дав никому опомниться, схватил свою трость и как следует отходил «дворецкого» по спине. Поднялся крик, женский плач; не обращая внимания решительно ни на кого и не на что, бородатые спутники барона схватили несчастных беглецов и совершенно бесцеремонно затолкали их в карету.

Под шумное недовольство толпы карета русского, увенчанная баронским гербом, отправилась на выезд – обратно в Париж. Лишь проехав обратно арку городских ворот, беглецы получили некоторые объяснения.

– Ваше Величество, простите нас! – воскликнул бледный Ружвиль, поражённый этим чудовищным нарушением этикета. – Но это был единственный способ вас спасти! Сюда уже спешат комиссары Национального собрания, ещё полчаса-час, и они будут в городе!

Король ничего на это не ответил, прижимая батистовый платок к разбитому в кровь лицу.

– Что вы намерены предпринять? – вместо него спросила бледная как смерть, но решительная королева.

– Здесь, на дороге, вас ждёт небольшой отряд немецких гусар под началом герцога Шуазеля. Они переправят вас через реку вброд. Мы же останемся здесь, и перехватим господ из Национального собрания.

– А где же мы возьмём лошадей?

– Граф Орлофф об этом позаботился! Вас ждёт десяток прекрасных верховых лошадей.

– Но мадам Турзель не сможет ехать верхом!

– Мадам Турзель может возвратиться в Париж. Прикрытие в виде паспортов слуг баронессы Корф вам уже не понадобится – вы теперь под защитой армии!

Королева, самая сообразительная из всех, поняла, что к ним только что пришло спасение, причём с совершенно неожиданной стороны.

– Мы всегда будем благодарны вам, граф Орлофф! Не так ли, ваше Величество?

– О, да, – подтвердил Людовик, всё ещё прижимавший платок к разбитым губам. – Граф, мы обязаны вам решительно всем! Полагаю, я должен возвести вас в достоинство герцога и пэра Франции ... А на герб непременно следует поместить вашу трость!

Глава 3*

Ещё два года тому назад для усовершенствования артиллерийской части я убедил Потёмкина, как главу Военной коллегии, создать «Артиллерийскую комиссию», что должна была разработать новые образцы орудий, и поспособствовать их унификации. Руководителем артиллерийской комиссии назначен был Пётр Иванович Мелиссино, «первоприсутствующий» (то есть начальник) канцелярии Главной артиллерии и фортификации, а по совместительству ещё и директор Артиллерийской школы. Нет, конечно же, работа над новыми артсистемами велась и без того: ею занимались в «Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе», но дела там шли ни шатко ни валко; теперь же всё объединилось в одной комиссии, и дела пошли быстрее.

Сегодня особенный день: с раннего утра мы все прибыли на «Артиллерийский луг» – небольшой полигон в местечке «Охта», где испытывались образцы новых орудий. Я приехал с неперменным Протасовым; тут уже были сам Пётр Мелиссино, чины из Коллегии, майор Бонапарт, юный подпоручик Аракчеев, Христофор Эйлер, и представители заводов, на которых, при успехе испытаний, изготовление этих пушек и будет возложено. Тут же, в окружении лизоблюдов тёрся Платоша Зубов, мечтавший взять всё это дело под свою руку. Впереди нас, в поле, стояли несколько деревянных избушек, изображающих цели, а прямо перед нами – образцы новых орудий. Мы разговаривали возле каменного флигеля с толстыми кирпичными стенами, где служащие полигона могли укрываться во время особенно рискованных экспериментов. День выдался ветреный, и господа офицеры придерживали свои треуголки, чтобы те ненароком не улетели.

– Итак, господа, – начал Пётр Иванович, – разрешите представить образцы предлагаемых артиллерийских орудий. Это – он указал на крайнее, сравнительно небольшое орудие – шестифунтовая облегчённая пушка для снаряжения конной артиллерии. Вес её в развёрнутом положении сорок семь пудов, в походном положении, с передком и боекомплектом, шестьдесят девять пудов. Бьет ядром на 2 тысячи аршин.

По реакции господ офицеров я понял, что показатели им очень нравятся. Даже фаворит одобрительно качал головой и поддакивал собравшимся.

Мы перешли к другому орудью, во всём схожему с предыдущим, только с несколько более длинным стволом.

– Это – пояснил Мелиссино, – того же калибра удлиненная пушка для пешей артиллерии. Вес в боевом положении шестьдесят пять пудов, в походном – положении, с передком и боекомплектом, восемьдесят шесть.

– А в чем разница по боевым свойствам? – спросил я.

– Удлиненное орудие дает выстрел с более настильной траекторией; предельная дальность при действии ядром выше на 330 аршин, существенно выше и дальность действия картечью...

– Пётр Иванович, – прервал его я. – Надобно ли нам два разных вида орудия, одного калибра и назначения, имеющих такие небольшие отличия? Одно даёт 2000 аршин, другое 2300, стоит ли городить из-за того огород?

– Ваше высочество, артиллерийский парк будет укомплектован исходя из результатов наших испытаний и мнений, поданных в Военной коллегии. Именно теперь мы и решаем, какое из орудий отставить, а какое принять!

– И каковы же мнения присутствующих? Нужны ли разные типы орудий, и если да, то какой из типов оставить?

– Надо признать, – заметил Николай Карлович, – что «длинное» орудие будет затруднительно использовать в конной артиллерии в то время как «короткое» вполне успешно может быть применено в пехоте. Потому я полагаю необходимым оставить «облегченное» орудие!

– Ладно, продолжим. Что у нас ещё?

– Вот, извольте видеть: 12-ти фунтовое пехотное орудие малой пропорции. Вес в боевом положении 71 пуд, с передком – 87 пудов. Дальность выстрела ядром – 2700 аршин, гранатой 1500 аршин, картечью первого номера 360 аршин.

Послышались восторженные отзывы и перешёптывания остальных членов комиссии.

– То же орудие средней пропорции. Боевой вес 92 пуда, вес с передком – 106 пудов. Наибольшая дальность выстрела ядром 3800 аршин, гранатой 1950 аршин.

– Они все бронзовые? – удивился я. – Отчего не из чугуна? Вон же, во флоте чугунные пушки вполне в ходу!

При этих словах Пётр Иванович укоризненно посмотрел на меня, а Платоша Зубов как-то нехорошо улыбнулся.

– Чугунные пушки, Ваше Высочество, при тех же свойствах будут иметь намного больший вес. И если во флоте сие печальное обстоятельство еще терпимо, благодаря огромной грузоподъемности современных кораблей, то в полевой артиллерии, где каждый золотник на счету, в обыкновение вошли пушки «артиллерийского металла», сиречь особого состава бронзы! – пояснил мне Мелиссимо то, что остальные, видимо, и так давно знали.

– Великолепные результаты, Пётр Иванович! – не обращая на меня внимания, начал восторгаться Валентин Мусин-Пушкин. – Невероятное в сих образцах снижение веса относительно шуваловских орудий. Как же вы этого добились?

– Долгие опыты по получению наилучшего образца «Артиллерийского сплава», – не без гордости отвечал Мелиссино, – завершившиеся, твёрдо могу сказать, замечательным успехом! Теперь вес наших полевых орудий снизится против прежнего в добрых полтора раза, а боевые свойства их возрастут.

– Вообще-то из чугуна тоже можно отлить полевые орудия, при должной сноровке. Хорошо, это всё надо обдумать. Давайте проследуем далее. Что это, «единорог»?

Несомненно, это была гаубица, или «единорог» – об этом свидетельствовало изображение этого мифического животного, в виде барельефа отлитое на казенной части орудия.

– Четвертьпудовый единорог, Ваше Высочество! Сорок семь пудов весом, дальность выстрела до 1780 аршин. Может действовать ядром, гранатой, картечью, брандскугелем. Дальняя картечь действительна до 700 аршин, ближняя – до 400 аршин.

– Очень хорошо. Не кажется ли вам, что по свойствам своим эта гаубица далеко превосходит 6-ти фунтовую пушку, а по весу вполне ей соответствует? Может быть, нам и не нужны шестифунтовки?

Члены комиссии снова как-то презрительно заулыбались, многозначительно переглядываясь между собою. Да что опять им не так?

– Ваше Высочество, – немного сконфужено отвечал Пётр Иванович, – мнение сие в военном деле уже высказывалось. Ещё граф Шувалов, изобретатель сиих единорогов, предполагал полностью заменить ими все виды полевых орудий. Но практика показала иное. Соболаговолите пройти далее...

Мы подошли к крупному орудю с заметно более толстым стволом.

– Вот тут у нас полупудовый единорог. Весит сие орудие 79 пудов в развернутом и 100 пудов в походном состоянии. Дальность выстрела ядром 3200 аршин...

– Погодите-ка, генерал, я не совсем понял... Это что же получается, полупудовый единорог, по весу и дальности выстрела соответствует 12-ти фунтовому орудю? При этом калибр его в два раза выше, а значит, и воздействие по цели намного сильнее? Зачем тогда 6-ти и

12-ти футовые пушки, если четвьепудовые и полупудовые единороги, по массе равные, а по мощности много лучшие, прекрасно их заменяют?

Тут красавчик Платон уже откровенно рассмеялся, со значением оглядываясь на остальных, будто предлагая разделить его веселье.

– Всё это не совсем так, Ваше высочество – пояснил глава Артиллерийской школы, Единороги имеют намного меньшую дальность прямого выстрела, а потому не столь точны и дальнобойны, как пушки «длинной» пропорции. Поэтому, хотя идея с заменой пушек единорогами уж более трёх десятков лет, никто сие произвести не решается!

– Ладно, хорошо. Полагаю, комиссии надобно всесторонне изучить этот вопрос, с опросом строевых офицеров, опытными стрельбами и войсковыми испытаниями. Надобно составить несколько рот, или даже целый артиллерийский полк из одних «единорогов» и испытать его действие, благо у нас сейчас война и юге ещё не закончена, и, значит, есть, где их испытывать.

Мы перешли к мортирам.

– Так, это что? Полевые мортиры?

– Именно так, Ваше высочество! Вот тут однопудовая, а эта – в полпуда!

– Очень хорошо. Насколько существенно воздействие бомбы на открыто стоящую пехоту? Сколько осколков даёт корпус пудовой бомбы?

Возникла заминка.

– Этот вопрос никем не изучался, Ваше высочество, но можно полагать, что количество их невелико. Обычно после боя остаются довольно крупные черепки от разрывов гранат и бомб, так что, видимо, осколков от них немного!

– Надо исправить. Попробуйте при отливании наносить ребра и борозды, чтобы получить полуготовые осколки.

– Сие довольно затруднительно. Корпус бомбы с бороздами от сильного давления развалится еще в стволе, при производстве выстрела, а наипаче, при падении бомбы на землю!

– Тогда можно попробовать закладывать к внутреннему заряду картечные пули, для повышения действенности огня по пехоте!

– Мортира действует главным образом не по пехоте, а по укреплениям, и тут важнее количество взрывчатого вещества, которое при размещении картечных пуль неминуемо уменьшится!

– Что ни тронь – ничего у вас нельзя! – ответил я, невольно услышав в собственном голосе тональность обиженного ребенка. – Ладно, что у нас с ракетами?

На разработки в области реактивной артиллерии я возлагал самые большие надежды. Это я настоял на включении ракет, получивших известность во время недавних войн англичан с индусами, в программу испытаний, с прицелом на оснащение ими нашей армии, а возможно, и флота. Здесь я дам этим господам сто очков форы вперёд: они ничего не знают ни про «Катюши», ни про «Град», и навряд ли представляют разрушительную силу этого оружия!

Мы перешли к станку для запуска ракет.

– Доклад продолжит майор Бонапарт – сообщил Пётр Иванович, и Николай Карлович, насупившись, выступил вперёд.

– Господа, это устройство воссоздано по данным европейцев, наблюдавших действие индийских ракет, применяемых мансурами в их войне против Британской Ост-Индской компании, – пояснил он. Ракета имеет гранатную боевую часть и пороховой движитель, и летит на дальность до двух тысяч шагов.

– А что это за хвост? – удивлённо спросил я, рассматривая выходящий из задней части ракеты длинный тонкий шест.

– Этот, как вы изволили выразиться, «хвост», необходим, дабы ракета летела прямо, в том направлении, которое её задано. То есть она стабилизируется в полёте этим деревянным «хвостом».

– И что же, это хорошее, эффективное оружие?

– Нет. Я бы сказал, что оно сильно уступает действию обычной артиллерии и совершенно непригодно для оснащения европейской армии!

Члены комиссии переглянулись с видом «ну я же говорил», я же стоял, как громом поражённый. Да что же сегодня такое?

– Вот как? И в чем же тут дело, майор? – благожелательно спросил Мелиссино.

– Прежде всего, точность стрельбы. После многочисленных испытания ракеты запуском на дальность могу сказать, что разброс при стрельбе на предельное расстояние достигает восьмисот шагов! То есть одинаковые по весу и равным образом снаряжённые ракеты при одинаковом угле возвышения давали дальность от тысячи ста до тысячи девятисот шагов. Это одно делает данное оружие в практическом смысле неприменимым!

– Так, а каков разброс по горизонту?

– Огромный, и сильнее всего зависит от ветра.

Я был поражён. Да как же так? У нас, в «моем» времени, эти самые РСЗО, или как их там ещё называют, почти что вытеснили классическую артиллерию, а здесь, видите ли, что-то там не получается! А я очень надеялся на ракеты; ну, правда, что стоят все эти «единороги» и прочая архаичная дребедень в сравнении с технологией, вознёсшей человечество в космос?

– Эти ракеты снаряжены? – спросил я, глядя на веретенообразные корпуса, сложенные невысоким штабелем возле станка для запуска. – Давайте попробуем запустить их!

Мелиссино кивнул, Николай Карлович скомандовал расчету, и солдаты бросились готовить ракеты к стрельбе. Фейерверкер водрузил корпус ракеты на станок, канонир, приложив квадрант, выставил нужный угол наводки; в ракету вставили и закрепили длинный хвост, и, наконец, поднесли фитиль к запальной трубке, высывавшейся из дюзы.

Раздалось громкое и мерзкое шипение, из корпуса ракеты вырвалась струя бело-серого порохового дыма, такое обильное, что мы на несколько секунд были совершенно окутаны им, так что пришлось отбежать в сторону, чтобы дальше наблюдать происходящее. С громким полу-шипением, полу-воем ракета сорвалась со станка и полетела в сторону домиков, изображавших мишени. Полёт её был прекрасно виден из-за мощной струи дыма, вырывавшегося из сопла реактивного двигателя. И вдруг ракета, прямо у меня на глазах, развернулась в воздухе и стала возвращаться прямо к нам!

– Осторожно! Ложись!

– Спасайте цесаревича!

Кто-то повалил меня на землю, накрывая сверху.

Лёжа на мягкой весенней земле, я вдруг ощутил, будто бы кто-то ударил по ней кувалдой шагах в тридцати от меня.

– Всё, упала!

– Вы не ушиблись, Ваше Высочество?

Протасов – это он повалил меня наземь – теперь помог мне подняться и отряхнул стебли и сухие листья прошлогодней травы с моей епанчи.

– Что с нею случилось? – спросил я у Бонапарта, Тот в продолжении всей этой сцены оставался невозмутим, лишь смотрел колючим взглядом серо-голубых глаз на мою всполошившуюся свиту.

– Господа, вы напрасно тревожитесь! Ракета снаряжена песком вместо пороха; она не взорвётся. Прямо на место старта она тоже не прилетит.

– Отчего же она даёт такие сильные отклонения от цели? – поражённый произошедшим, спросил его я. Вот уж чего не ожидал, так это *такого*!

– Я изучил свойства этих снарядов, и могу определено сообщить вам, Ваше высочество, что причина низкой точности корениться в самой их конструкции. Извольте подойти, я покажу вам! *Эй, Михалич, достань эта ле-ракетт!* – по-русски крикнул он фейерверкеру, и тот, подхватив кирку, пошёл откапывать дымящийся в полусотне шагов от нас корпус.

Мы подошли к ракетному станку, на который уже водрузили еще один реактивный снаряд.

– Вот, извольте видеть, ракета, снаряженная для выстрела. Спереди – боевая часть, её вес в течении полёта остается неизменным. Сзади – двигатель, его вес в течении полёта по мере выгорания топлива постепенно уменьшается. Таким образом, центр тяжести ракеты перемещается с середины корпуса вперёд.

Наполеон прочертил на теле ракеты стрелку, иллюстрирующую, как изменяется центр тяжести.

– Представим, что мы запустили ракету и подул ветер. Давление ветра сносит её в сторону, и, в то же время, разворачивает вокруг центра тяжести. Ведь хвост ракеты легче, чем её нос, и с каждым мгновением становится ещё легче из-за сгорания пороха, да и к тому же, снабжён длинным стабилизирующим стержнем, имеющим значительную парусность. Поэтому задняя часть ракеты сносится сильнее передней.

– Это понятно. Но, всё равно такое сильное изменение траектории невозможно объяснить лишь ветром! Отчего же, например стрела из лука не относит так сильно, что она, почти что, возвращается на место пуска?

– Всё дело в том, что стрела, раз получив движение от лука, не получает дополнительного импульса в процессе движения. Ракета же действует по-другому: её двигатель работает даже после того, как ветер повернул её корпус. Поэтому ракета отклоняется ветром значительно сильнее и не так, как пуля, ядро или даже стрела. Ракета стремится лететь прямо против ветра, из-за того что оперение разворачивает её против потока воздуха, а двигатель продолжает при этом сообщать движение!

Признаться, ни я, ни члены комиссии не сразу поняли объяснения Николая Карловича. Но постепенно и мне, и всем присутствующим (кроме, наверное, Зубова – по его оскалу видно было, что так ничего он и не понял), стало ясно, что приличной точности от ракеты никакими силами получить невозможно.

– Но можно всё-таки что-то сделать? – вспомнив «Катюшу» и «Град», спросил я.

– Единственный способ исключить влияние ветра – это сделать ракету полностью уравновешенной, чтобы центр её тяжести оказался ровно посередине, и не изменялся в процессе выгорания топлива – отвечал Николай Карлович

– А это можно устроить? – с надеждой спросил я.

– Сделать это представляется если не невозможным, то настолько затруднительным, что производство таких снарядов окажется делом невероятно дорогим. К тому же, их нельзя будет снабдить оперением, и полёт такой ракеты неминуемо будет нестабилен!

– Ну, стабилизировать корпус можно вращением, – пробормотал я, уже, однако, понимая, что всё это сильно усложняет дело. – А если пускать ракеты строго «по ветру» или строго «на ветер»? Тогда же ничего отклоняться не будет?

– Отклонение будет всё равно, только теперь по высоте. Ведь ракета посылается вверх под углом, и значит, любой ветер будет искажать её траекторию, вынуждая лететь параллельно земной поверхности. Кроме того, даже если расчету удастся занять позицию строго по ветру от неприятеля, это, вероятнее всего, не поможет – ведь ракета взлетает вверх на сотни метров, а там направление ветра может быть совсем иным, чем у земли!

– Так что же, получается, дело нестойкое? – тоскливо спросил я.

Видимо, разочарование в моём голосе преломилось настолько жалостливой нотой, что Николай Карлович отвечал мне, как будто бы, с некоторым сочувствием.

– Оружие такого рода будет и сочетать в себе низкую точность и излишне высокую цену. К этому надо добавить, что для запуска ракеты надо в шесть-семь раз больше пороха, чем для производства выстрела из орудия.

– Но, как говорят, в Индии войска Типпу-сагиба успешно применяют ракеты против англичан!

– В Индии много селитры, – пояснил мне Мелиссино, – и производство пороха для ракет для них сравнительно просто. А вот орудийной бронзы у них нет. Поэтому они вынуждены применять эти свои «ракеты» вместо нормальной европейской артиллерии. Возможно, если бы они испытали все преимущества современных артиллерийских систем, то отказались бы от ракет.

– Также надо отметить, – добавил Наполеон, – что действия мансуров не так уж и успешны. Они воюют не с Англией, а с английской Ост-Индской компанией, где солдатами служат местные индусы и сикхи, а офицерами – второсортные, не имеющие военного образования английские сквайры и джентри, приехавшие в Индию сколотить капитал. И при всём этом мансуры то и дело терпят поражения. Были бы на их месте европейцы, как это было в Северной Америке, англичане не осмелились бы даже высадиться в Индии!

– Ну что же, выходит, нет смысла возиться с этим, раз у нас появились такие лёгкие и мощные полевые орудия, – подытожил Мелиссино. Члены комиссии, кто молчаливо, кто прямо, немедленно с ним согласились. Мне оставалось лишь молча слушать доклад про боеприпасы, но мысли мои постоянно возвращались к причинам этого провала.

– Ну что же, – продолжил Пётр Иванович, – давайте подведем итоги. Орудия с деревянной осью лафета надо вывести из состава армии, везде принять стальные оси. Для лучшего вращения осей внедрить чугунные втулки, особенно для орудий, предназначенных к применению в конной артиллерии. Существующие образцы орудий надобно изготовить в нескольких экземплярах и отдать в опытную эксплуатацию, дабы на практике изучить их сильные и слабые свойства.

Потом было ещё много разных подробностей, которые я счел за благо выслушивать молча. Вновь в дискуссию я вмешался, лишь когда разговор зашёл про картечные выстрелы.

– А что с чугунной картечью?

– Опыты показали её полную применимость, Ваше Высочество!

– Вот и прекрасно. Её приняли на вооружение армии? С калибрами определились?

– Третий номер – в размере ружейной пули, второй номер – диаметром в дюйм, первый номер – полтора дюйма.

– Хорошо. Ещё надо испытать свойства стержневой картечи и шрапнель.

– Что это?

– Берем мелкие гвозди, плющим шляпку в форму оперения, заряжаем в жестяной картуз. При выстреле всё это хозяйство должно лететь намного дальше, чем обычная картечь, и при этом количество стержней будет намного больше, чем обычных картечных пуль. А шрапнель – это сложнее... я вам потом отдельно расскажу.

– Всенепременно, – заверил меня Пётр Иванович, но по тону его стало ясно, что после такого фиаско с ракетами мои идеи он теперь навряд ли будет рассматривать всерьёз.

Глава 4

Два месяца князь Потемкин готовил в Таврическом дворце бал для Екатерины по случаю последних побед – Рымника, Фокшан, взятия Измаила, и, конечно, мира со Швецией. Прекрасным днём 28 апреля, когда весенняя свежесть ещё не уступила место летней духоте, а воздух чист от комаров и прочего гнуса, весь свет Петербурга съезжался к Таврическому дворцу, который Екатерина ещё в прежние годы пожаловала Потёмкину, затем выкупила его обратно за полмиллиона рублей, и теперь вновь ему подарила. Сверх того, в Царскосельском саду ему будет возведён памятный обелиск; преподнесён фельдмаршальский мундир, усыпанный бриллиантами, и подарено 200 000 рублей.

Ещё на подъезде к дворцу была слышна разносившаяся в тёплом весеннем воздухе дивная музыка – это играл знаменитейший «роговой» оркестр.

Я не мог не задержаться, дабы послушать её. Девяносто человек, наряженные в одинаковые, напоминавшие гренадёрские мундиры, одежды, стояли, держа перед собой кто один, кто два, а кто сразу три медных охотничьих рога. Иные из инструментов были столь велики, что удержать их не было никакой возможности – такие трубы опирались на специальные подставки; у других же рожок был настолько мал, что полностью скрывался в ладони. Каждый из этих инструментов выдавал один единственный звук, одной высоты и тембра, но весь оркестр, благодаря своей многочисленности и невероятной слаженности, мог воспроизводить совершенно любое произведение. Для этого надобно каждому играющему точно высчитывать момент, когда вступить, и таким образом, несколько музыкантов, беря поочередно каждый свою ноту, могли изобразить стройную гамму, а от ловкости их и умения зависела способность сыграть эту гамму в любом медленном или быстром темпе. Казалось, перед нами выступал живой орган, повинующийся не нажатиям на педали ног органиста, а палочке капельдинера. Потёмкин собрал здесь как императорский, так и несколько частных оркестров, устроив сводный хор из трёхсот музыкантов!

Заслушавшись, и не сразу заметив, что весь двор уже проследовал внутрь дворца, не без сожаления поспешил я следом.

Здесь торжествующий Потемкин встречал императрицу, разодетый в алый кафтан, в усыпанном бриллиантами плаще из черных кружев, декламируя какие-то пафосные стихи.

Пройдя через торжественные врата с надписью «Екатерине Великой», сквозь колоннаду из изящнейших гранитных и яшмовых, с золотыми капителями, столпов, мы прошли в первую, круглую залу, окружённую роскошной колоннадой, откуда уже звучала органная музыка. Здесь царила полутьма, освещаемая множеством разноцветных лампад; наверху, на хорах, тускло мерцали трубы двух больших английских органов. Потёмкин повёл нас дальше, в огромную, сияющую светом овальную залу, способную вместить сразу пять тысяч гостей, сливавшуюся в одно пространство с гигантским, закрытым стеклянной кровлею Зимним садом.

Здесь, среди лавровых, миртовых, апельсиновых, померанцевых деревьев, мраморных ваз и французского фарфора, огромных дутых аквариумов с золотыми рыбками вились дорожки, по которым гордо прогуливались павлины, а над ними летали яркие тропические птицы и соловьи. Шпалерные решётки все увитые цветущим растениями, и тонкий аромат жасмина соперничал с лавандой и миртом.

Посредине сада возвышался храм, купол которого опирался на восемь столпов из белого мрамора. Ступени из серого мрамора вели их к своеобразному жертвеннику, служившему подножием к высеченной из белого мрамора фигуре императрицы, держащей рог изобилия, из которого сыпались орденские кресты и деньги. На жертвеннике имелась надпись: «Матери отечества и моей благодетельнице». За храмом находилась беседка, внутренние стены которой

состояли из гигантских венецианских зеркал. Посреди всего этого великолепия была установлена мраморная скульптура императрицы.

Внутри все сияло: яркий свет давали 20 тыс. восковых свечей и больше сотни тысяч лампад. Шпалеры украшены были лампадами в форме яблок, груш и виноградных гроздьев, в иных частях сада находились светильники в форме дынь, арбузов, ананасов и винограда. В зимнем саду слышались трели птиц, в огромных аквариумах плескались рыбки, сверкали гигантские зеркала, за которыми спрятали печи.

Между храмом и беседкой находилась зеркальная пирамида, на верху которой блистало имя императрицы. Рядом стояли другие, меньшие по размеру пирамиды, на которых фиолетовыми и зелеными огнями горели наши с Костей вензеля.

Играла прекрасная музыка, в парке отдельно, во дворце – отдельно; были устроены танцы, где мы с Константином вели первые пары. Мне надлежало пригласить Санечку Браницкую, одну из фрейлин императрицы, и, между прочим, племянницу Потёмкина; но у меня были свои мысли на сей счёт.

Всем хорош праздник Потёмкина, только нет здесь главного виновника и героя торжеств – Суворова Александра Васильевича. Ещё за несколько дней до праздника, 25 апреля, получил он от Потемкина повеление Государыни — объехать Финляндию до самой шведской границы, с целью проектировать систему пограничных укреплений. Суворов поехал с охотой, чтобы только избавиться от своего бездействия; край был ему несколько знаком, так как 17 лет назад он уже объезжал шведскую границу, хотя теперешняя задача представлялась много сложнее. И вот, в то время, как суровую финляндскую весною разъезжает он на таратайке (а кое-где ещё в санях) по диким захолустьям русско-шведской границы, вынося лишения, которых военный человек высокого положения не ведаёт и в военное время, Потемкин утопал тут в роскоши и упивался своею славою. Нет, конечно, не один Суворов выиграл Турецкую кампанию, но всё же он должен быть сейчас здесь, а не там.

Уж я не знаю, что там не поделили Суворов с Потёмкиным, но победитель Рымника и Измаила должен был быть здесь, и всем следует об этом напомнить!

Быстро пройдя к группе камер-фрейлин, я отыскал взглядом дочь Суворова и, как положено, поклонился ей.

– Мадмуазель, не соблаговолите ли танцевать со мною полонез? Лыцу себе надеждою быть осчастливленным вашим согласием!

Та вспыхнула, страшно смутилась от такого внимания и, конечно же, испугалась, не приключилось бы ей от этого немилости императрицы. К нам с выражением ужаса на лице уже спешил хореограф Пик, отвечавший за постановку танцев.

– Ваше высочество! Всё же отрепетировано! – приблизившись, отчаянным шёпотом прокричал он.

– Всё замечательно, мосье Шарль. Всё будет отлично!

Наташа стояла рядом, не жива не мертва. Я постарался ободрить её улыбкой; наконец, справившись с волнением, она склонилась в положенном в этом случае реверансе и приняла мою руку. Мы вышли на середину круглой залы, привлекая всеобщие взгляды, встав в исходную позицию: я заложил левую руку за спину, Наташа отставила правую руку в сторону; сбоку от нас встал Константин с Варварой Голицыной – другой племянницей Потёмкина. Мы подождали, когда другие пары выстроятся за нами; я ободряюще слегка пожал Наташины пальцы в длинной обтягивающей лайковой перчатке. Всё ещё смущённая неожиданным всеобщим вниманием, она наконец-то подняла на меня глаза; робкая улыбка постепенно расцвела на её милом личике.

Загремели фанфары, вступил хор, и начался полонез – несложный, очень манерный и степенный танец. Как первая пара, мы задавали движения, которые затем повторялись всей колонной следовавших за нами танцующих. Начав танец в зале, мы через раскрытые двери

проследовали в сад, где оркестр с идеальной точностью повторял музыку. Гости переходили из зала в сад и обратно, исполняя одну за другой фигуры полонеза – променад, колонна, поперечина, траверсе, фонтан, веер... Танец этот торжественный и при этом непринуждённый: можно уходить в другие комнаты, в сад, разговаривать с партнёршей, чем все непременно пользовались. Впрочем, сейчас это было затруднительно: музыка то и дело прерывалась литаврами, а многоголосый хор покрывал говор зала, впервые исполняя песню, на десятилетия назначенную служить гимном Российской империи:

Гром победы, раздавайся,
Веселися, славный росс,
Звучной славой украшайся,
Магомеда ты потрёс.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!

Все гости были в восторге. Константин Павлович, как я смог заметить, аж прослезился, и вынужден был прямо в танце достать платочек! Что касается моей визави, она оказалась столь же находчива в свете, как ее отец – на поле боя. После первых же па, совершенно успокоившись, она лишь изящно и точно повторяла движения танца; вскоре её живое личико покраснелось и лёгкая улыбка заиграла на устах.

Тем временем польский танец сменился контрдансом. Это был эксперимент мосье де Ла-Пика – включить в степенный полонез озорные вставки английского народного танца. Зазвучала простецкая музыка, заставившая меня вспомнить первый фильм «Властелин Колец» с деревенскими плясками хоббитов, и мы, из огромной «змеи» выстроившись в кружки по 8 пар, старательно изображали веселье европейских поселян, что выглядело забавно, учитывая, что танцевавшие несли на себе бриллиантов на добрых десять миллионов рублей. Наташа покраснела и, задорно потряхивая кудряшками на висках, вертелась и подпрыгивала ничуть не хуже других.

Музыка вновь сменилась, вернувшись к полонезу, и постепенно мы вернулись в главную залу. Тут нас ждала уже новая картина: посреди сада появился золочёный механический слон, задиравший хобот и трубивший на потеху гостям. Тут сидевший на нём «персиянин» ударил в гонг, и начались театральные представления. Не отходивший от императрицы Потёмкин сложился вдвое:

– Ваше императорское величество, государыня всероссийская, прошу посетить чертоги Мельпомены и Талии!

Уже был готов театральная помост, открылся занавес. Сцена осветилась лучезарным солнцем, в центре которого в лавровом венке светился вензель Императрицы. Сначала выступили танцовщики, представлявшие поселянок и поселян. Танцуя под музыку и пение, они то и дело воздевали руки к сему светилу, что, на мой вкус, было уже чересчур. Затем последовала французская комедия, потом балет, изображавший смиренного купца, торгующего невольниками всех народов. В оригинальном виде среди его товара имелись и «москвиты», но в версии князя Потёмкина, наших соотечественников на турецком базаре больше не было.

– Какая перемена политического нашего состояния! – бурно восхищался высокий господин, в коем я с удивлением узнал ни кого иного, как господина Державина.

– Давно ли Украина и низовые места подвержены были непрерывным набегам хищных орд? О, сколь приятно напоминание минувших напастей, когда оне прошли, как страшный сон! Теперь мы наслаждаемся в пресветлых торжествах благоденствием. О потомство! ведай: все сие есть творение духа Екатерины!

Наконец представления кончены, и мы прошли прогуляться в сад. Огромный парк Таврического дворца, весь освещённый разноцветными лампадами и фонарями, освещавшие даже

кроны деревьев. По парковым прудам шла флотилия судов, освещенных и украшенных флагами. Разноцветные фонари в кронах деревьев, склонившихся над прудами, отбрасывали на водную гладь зелёные и красные отсветы. Гости прогуливаясь по аллеям, толкуя о богатстве праздника и щедрости хозяина. Конечно, основная часть гостей толпилась вокруг императрицы, будто ком пчёл вокруг матки.

Наконец, Потёмкин простил нас вернуться во дворец. Оказалось, пока мы прогуливались здесь, на том месте, где только что были балет и театр, уже накрыли столы: на 600 человек сидячих мест, и еще множество столов расставлено вдоль стен для закуски «а ля фуршет».

Нас с Константином усадили, можно сказать, за главный стол прямо в театральной зале. На белоснежных камчатых скатертях блистали золотые подсвечники и серебряная посуда. Все столы были освещены шарами из белого и цветного стекла, в других гостиных дворца были сервированы столы посудой из лучшего серебра и фарфора. Официанты, одетые в придворные ливреи и ливреи Потемкина, разносили изысканные угощения гостям.

Наконец, поднявшись из-за стола, императрица, наскоро переговорив с несколькими вельможами, слушавшими её, как всегда, в почтительном полупоклоне, велела подать карету. Мы с Константином, камер-фрейлины, и неперемный Платоша Зубов тоже поднялись, как вдруг нежное пение детских голосов, сопровождаемое глубоким органным звучанием, нисходящее с верхних хоров, прикрытых освещенными изнутри разноцветного стекла вазами.

...стой же, стой, не скройся в дали,

Благ своих нас не лишай;

Наша жизнь есть путь печали

Ты цветы в ней насаждай!

Какие-то мгновения казалось, что Екатерина застыла в нерешительности; затем, будто бы что-то решив, она опёрлась о руку Зубова и пошла к выходу, мы с Костей и статс-дамами отправились за нею следом, и были уже у самого экипажа, когда нас нагнал шумный, задыхающийся Потёмкин.

– Матушка, вы нас уже покидаете? – экспрессивно воскликнул он. – Без вас и праздник не в праздник!

– Увы, мой друг; я теперь утомилась. Годы уже не те! – произнесла императрица, протягивая ему руку для прощального поцелуя.

Гигант в алом кафтане упал на колени на брусчатку дорожки, и, схватив ладонь императрицы обеими руками, приник к ней лицом. Секунда тянулась за секундой, а он всё не отрывал лица от руки Екатерины. Мы не могли понять, что происходит. Вдруг склоненные его богатырские плечи содрогнулись; глухие рыдания донеслись до нас. Платоша Зубов, с кислым видом наблюдавший эту сцену с подножки кареты, скривился ещё сильнее и залез внутрь, откинувшись в темноту её роскошного салона.

Мы старались не глядеть друг на друга и не слышать этих ужасных мужских рыданий; но не слышать их было невозможно.

Почему этот могучий, смелый кавалер, как никто, облечённый богатством и властью, осыпанный милостями и бриллиантами, плакал теперь на пороге роскошного своего дворца? Оттого ли, что он постарел; состарилась и любимая когда-то им женщина; и он уже неспособен дать ей того, что действительно нужно, а в карете уже сидит молодой и глупый кавалер, с которым она ещё способна хоть на мгновение забыть, как разрушительно время; оттого, что закончился праздник, посвященный его триумфу, и с хоров уж слышится шёпот: «вспомни о смерти».

Наконец Екатерина, постепенно высвободив руку, сказала Потёмкину какие-то ласковые слова, и лакей посадил её в карету. Она обернулась в окно; в глазах её блеснули слезы. Карета наша тронулась. Потёмкин провожал её, стоя на коленях в своем алом мундире. Они глядели друг на друга, не зная, что это – в последний раз.

***

Через две недели Потёмкин уехал из Петербурга к себе в Новороссию. За собой он оставил долгов на восемьсот пятьдесят тысяч рублей, впоследствии покрытых императрицей. Петербург же был взбудоражен новостями из Польши.

3 мая 1791 г. в Варшаве приняли новую конституцию Польши, – итог заседания «четырёхлетнего сейма» При принятии её королевская партия действовала бесчестно. Новая Конституция не имела шансов быть принятой обычным порядком, поэтому была проведена заговором: 3 мая на сейме присутствовало не более 157 депутатов, не менее 327, не будучи оповещены о заседании, отсутствовали.

Разговоры о произошедшем в Варшаве заняли на какое-то время все салоны Петербурга; было понятно, что вопрос с Турцией, в целом, решён, и Россия не останется в стороне от польских событий. Ведь наша страна гарантировала незыблемость предыдущей польской конституции, так вызывая теперь нарушенную.

При первом случае я завёл разговор о происходящем с нашими дипломатами. Поскольку первая звезда нашей внешней политики – граф Безбородко, – отбыл на переговоры в Яссы, и вообще он был нехороший человек, а вице-канцлер Остерман, честно говоря, никогда не особенно не блистал дипломатическими талантами, самым компетентным человеком оказался третий член коллегии иностранных дел – граф Морков.

К нему то я и пристал на ближайшем куртаге.

– Аркадий Иванович, что же там происходит, в Польше?

– Ну что вам, Александр Павлович, сказать... Поляки очень взбудоражены переговорами России о мире с Турцией!

– Вот как? А какое им дело до наших дел с Турцией? Разве их это как-то касается?

Морков тонко улыбнулся, что на его изрытом оспинами толстогубом лице выглядело совершенно отталкивающе.

– Видите ли, Ваше Высочество... Европа, в сущности, очень невелика, и всё в ней взаимосвязано. Так, в прошлую нашу войну именно Польша компенсировала нам то, что мы должны были взять, но не получили с Турции...

– Как это?

– Поляков признали виновными в той войне, что завершилось заключение Куйчук-Кайнаджисского мира. Тогда меж Берлином и нами последовал трактат, который в Варшаве называют «разделом Польши». Пример показали австрийцы, дерзко забравшие у Польско-Литовской республики некоторую спорную область. Тогда же и Пруссия забрала у них область, лежащую между Померанией и Восточной Пруссией. А мы получили территории Белорусские, но взамен отказалась от своих требований относительно независимости Дунайских княжеств, отказалась от острова на Архипелаге для себя, ограничив наши приобретения в турецкой войне лишь областью между Днепром и Бугом.

– Вот как? Ну, тогда понятно, почему поляки сейчас так паникуют. Считают, что их снова обвинят в войне! А вообще, что сейчас происходит в Польше?

Улыбка Моркова стала ещё шире, отчего мне на память пришёл Чеширский кот.

– Одним словом, Александр Павлович, – страшный бардак! Вельможи, постоянно недозвольные, в постоянном соперничестве друг с другом, гоняются за пенсиями иностранных дворов, чтоб подкапываться под свое отечество. Потоцкие, Радзивиллы, Любомирские разорились вконец от расточительности. Князь Адам Чарторыйский большую часть своего хлеба съел еще на корню. Остальная шляхта всегда готова служить тому двору, который больше заплатит. В столице поражает роскошь, в провинциях бедность. На 20 миллионов польских злотых ввоз иностранных товаров превысил вывоз своих! Поляки делают огромные долги у голландских банкиров, и скоро их внешняя задолженность превысит нашу!

– Ежедневно происходят такие явления, которые невероятны в другом государстве: злостные банкротства купцов и вельмож, безумные азартные игры, грабеж всякого рода, отчаянные поступки, порождаемые недостатком средств при страшной роскоши. Преступления совершаются людьми, принадлежащими к высшим слоям общества. И какому наказанию подвергаются они – никакому! Где же они живут, эти преступники, – в Варшаве, постоянно бывают у короля, заведывают важными отраслями управления, составляют высшее, лучшее общество, пользуются наибольшим почетом. Хотите знать палатина, который украл печать? Или графа, мальтийского рыцаря, которому жена палатина Русского недавно говорила: «Вы украли у меня часы, только не велика вам будет прибыль: они стоят всего 80 червонных». Кавалеры Белого Орла крадут у адвокатов векселя, предъявленные их заимодавцами. Министры республики отдадут в заклад свое серебро через камердинера, а потом отошлют этого камердинера в деревню, да и начинают иск против того, кто дал деньги под заклад, под предлогом, что камердинер украл серебро и бежал, а через полгода вор опять служит у прежнего господина. Другой министр захватил имение соседа; Постоянный совет решил, что он должен возвратить захваченное; несмотря на это, похититель велел зятю своему, полковнику, вооруженною рукою удерживать захваченное. Немедленно загорается битва между солдатами полковника и крестьянами законного владельца; полковник прогнан, но 30 человек остались на месте битвы. Один магнат уличается перед судом в подделке векселей; другой отрицается от своей собственной подписи; третий употребляет фальшивые карты и обирает этим молодых людей — в числе обыгранных был родной племянник короля; четвертый продает имения, которые ему никогда не принадлежали; пятый, взявши из рук кредитора свой вексель, раздирает его в то же мгновение и велит отколотить кредитора; шестой, занимающий очень важное правительственное место, захватывает молодую благородную даму, отвозит в дом, где велит стеречь ее своим лакеям, и там насилует. Английский посланник с каждою почтою просит свое правительство отозвать его из Польши: он говорит, что, исполняя здесь обязанности посла, он унижает свое достоинство честного человека. Большая часть здешнего высшего блестящего общества в другой стране подверглась бы преследованию закона. Тот, кто в иной стране почитался бы как мошенник, в Польше будет честнейший человек! Ах, Александр Павлович, если хотите знать про Польшу, я вам так скажу: дом, разделённый в себе, не устоит!

Вскоре всё так и сбылось. В июле 1791 года Потоцкий подал Потёмкину записку о плане составить Конфедерацию против конституции 3 мая и просил помощи русской императрицы. Та, занятая войной с Турцией, не решилась резко и решительно выступить против конституции. Русскому посланнику в Речи Посполитой Булгакову поручено было лишь подбирать среди польских вельмож партию, преданную русским интересам. Получив от Екатерины полномочие составить конфедерацию, Потоцкий и Ржевуский уехали. Всё откладывалось до заключения мира с турками... а он был не за горами.

Глава 5

– Ужели ни одно не возшло?

Бригадир Муловский, губернатор Заморских Российской державы на Южных морях владений, нахмурившись, смотрел на пустынную плантацию, где должны были зеленеть полторы тысячи «гебейных деревьев». С немалыми трудами этот кусок острова был очищен от джунглей, тщательно возделан и засажен семенами и... ничего. Ничего!

– Странное, право, дело – произнёс комендант крепости «Дальняя», майор Епишев, – что в таком количестве привезённые, с таким тщанием посаженные семена, да ещё и под надзором столь знатного ботаника, как господин Паллас, и совершенно не дали всходов... Не было ли тут какой диверсии?

– Пустое, Григорий Фомич! Кому тут диверсию-то делать, все свои. Верно, климат тут не тот, или же сделали что-то не так... Но как же теперь поступить? Ужели вновь надо плыть в дебри на Амазонку?

Все огорчённо молчали. Вновь посылать судно в далёкую Бразилию было делом совершенно невместным – и так дел неупорот! Корабль «Колмогор», приняв в трюм выплавленное на полуострове олово, отправился в Китай, для закупки чая и шёлка, а оттуда должен был идти в Россию. Корабль «Соловки» ушёл на север, с огромным перечнем задач. Судно «Сокол» с Мирандой плыло сейчас к берегам Южной Америки, а корабль «Турухтан» во главе с капитаном Трубецким, на котором находился и Пётр Семёнович Паллас, уж с месяц как уплыл искать этот самый таинственный Бруней на севере острова Борнео.

Вдруг Григорий Фомич как будто чего-то вспомнил.

– Фёдор Иванович, а мне помнится, что господин Паллас тогда привёз не только семена в мешках, но и ещё с полдюжины саженцев. Не знаете ли, как он ими распорядился?

– Да-да, припоминаю... Действительно, саженцы были!

– И что с ними дальше было?

Капитан Эльтамп, командир гарнизона, задумался, припоминая, что случилось далее.

– Когда мы приплыли, представили семена, решено было, что мы все их непременно посадим в плантацию. А саженцы, за их ненужностью, так у Палласа и остались.

– Ну, верно, они погибли. Раз оказалось, что они не нужны, он, верно, их выкинул!

Фёдор Иванович возмутился так, что аж руками замахал.

– Пётр-то Семёнович? Выкинул саженец? Да ни в жисть! Он же их, как детей, любит! Он эти деревца вёз в своей каюте. Пётр Семёнович над ними все плавание трясся, лучшую воду им пускал на полив, когда все мы тухлятину глотали, а как шли Магеллановым проливом, он свою каюту отапливал жаровней, дабы растения сии не замёрзли. Еще чего, «выкинул»!

– Так куда же он дел их?

– Наверняка посадил возле своего дома. У него же там целый огород из местных плодов, в разных плаваниях приобретённых. Наверное, там и «гебеи» эти сидят!

Бригадир Муловский усмехнулся. И правда, выкинуть саженец или какую ещё растюху – это на господина Палласа совершенно не походило!

– Ну, пойдёмте же скорее, посмотрим, что растёт у него на дворе!

Всей комиссией, с губернатором во главе, отправились они к уединённой хижине Палласа.

Совсем скромный домик, со стенами из рисовой соломы и крытой пальмовыми листьями крышей, теперь, с отбытием Палласа в плавание, уже месяц как пустовал. Неугомонный прусак развёл вокруг него целый огород, бурно разраставшийся. Муловский и Епишев с интересом осматривали все эти растения, но... что из них – гебея, и есть ли она здесь? К несчастью,

спросить-то было не у кого – корабль, на котором тот год плавали в Амазонию, ушёл в новое плавание; уплыли и Корзинщиков, и Паллас.

Наконец, Григорию Ивановичу пришла в голову идея.

– Господа, а кто тут присматривает за этими растениями? Наверняка Паллас не мог оставить своих любимцев без надзора?

Бросились расспрашивать и искать: и сразу же сыскали Сидора Петрова, денщика Василия Корзинщикова.

– Да, ваше Высочество, – охотно подтвердил он, – так и есть, я присматриваю за хозяйством Петра Семёновича, с тех пор как он в море ушёл.

– И где эта самая гебея?

– Гебея, должно... вот здесь. Вот она сидит, на осину похоже, – наконец произнёс Петров, указывая на четыре тоненьких невысоких деревца, мирно зеленевших у самой ограды.

– Точно она?

– Наверное бы, да...

– Давайте проверим!

Немного взрезав бледную кору, дождались, когда на разрезе возникнет бледная капля млечного сока. Майор Епишев осторожно коснулся её пальцем, растёр её.

– Латекс. Так и есть!

Муловский осторожно, с облегчением, выдохнул.

– Ну, пусть растут себе. Смотри, ухаживай за ними лучше! А Пётр Семёнович приедет – подумаем, как с ними быть!

***

Бриг «Тутухтан» под командованием капитана князя Д.С. Трубецкого тем временем шёл на восток. Дмитрию Сергеевичу согласно инструкции, полученных от цесаревича Александра, было поручено наладить контакты с султаном Брунея. Это небольшое государство, предположительно, находилось где-то на севере острова Борнео, сиречь Калимантан.

Экипаж с самого начала пути вызывал беспокойство у офицеров. Из-за сильного некомплекта моряков на корабль пришлось набрать немало малайцев, индусов, а также и иных иноземцев: испанца Гонсало, португальца с Гоа по имени Арманду Кайреш, и филиппинца Калао. Иностранцы, нанятые в разных местах и не знавшие друг друга до найма, однако же, удивительно быстро сговорились и, по мнению офицеров корабля, требовали особого к ним внимания.

Поначалу ничего не происходило; но затем, когда корабль шёл среди многочисленных островов на побережье Калимантана, офицеры заметили, что за их кораблем следует «прао», одна из необычайно больших малайских лодок, способных, между прочим, развивать огромную скорость и «утереть нос» любому европейскому судну. Лодка эта все время держалась сзади на определенном расстоянии и занимала позицию между солнцем и «Турухтаном» таким образом, чтобы с русского корабля можно было увидеть только лишь ее силуэт.

Рядом был берег скалистого острова, и «Турухтан» сбавил скорость, чтобы течение случайно не выбросило его на прибрежные рифы. Прао было исчезла из поля зрения, но вдруг появилось на выходе из пролива между берегом и скрывавшей ее скалой и поплыло наперерез нашему паруснику.

Экипаж малайской лодки на первый взгляд показался малочисленным, но, приглядев-шись повнимательнее, марсовые наблюдатели вскоре заметили довольно много людей, лежащих на дне прао, старавшихся укрыться от наших взглядов.

– Если бы не эти проклятые течения, которые пригнали нас ночью к берегу, и не этот слабый бриз, — обратился капитан Трубецкой к своему помощнику Маталыкину, — то мы могли бы уйти в открытое море и не оказаться в таком опасном положении!

– Это правда, Дмитрий Сергеевич, – отвечал Маталыкин, морща облупленный от солнца нос. – Но раз уж дело приняло такой оборот, так пора бросить жалобы, да и приготовиться к бою!

– Совершенно с вами согласен, господа, – произнёс мичман Корзинщиков, – Если вы мне позволите, капитан, приказать от вашего имени принять известные меры предосторожности, о которых вам, возможно, некогда было подумать, то я это сделаю с большим удовольствием.

Капитан Трубецкой, высоко ценивший своего подчиненного, уже успевшего проявить свою предусмотрительность, предприимчивость и осторожность, не колеблясь дал ему все полномочия, и мичман бросился немедленно отдавать указания команде.

Первым делом он спустился в кормовую каюту и приказал плотнику просверлить бойницы в передней стенке юта, а также у правого и левого борта; затем, забаррикадировав люк, который соединял каюту с трюмом, он положил сверху на него доску. Затем он спустил в кормовую каюту бочку с пресной водой и приказал матросам переложить в зарядные ящики половину пороха из самой нижней зарядной камеры, также, как и ядра, пули, заряды, пистолеты и ружья.

Тем временем на палубе капитан приказал соорудить с помощью канатов что-то наподобие абордажной сетки, тянувшейся от выдающегося вперед бушприта до самого юта, и на три аршина возвышавшейся над фальшбортом.

Наконец, чтобы окончательно завершить эти необходимые меры предосторожности, он вместе с матросами обвязал шесть двенадцатифунтовых ядер крепкой сетью и подвесил этот боеприпас на рее фок-мачты с левого борта.

Боцман к тому времени приступил к вооружению экипажа, раздав каждому по ружью, полусабле или топору. Но при виде иностранных матросов, боцман оказался в замешательстве и поспешил к капитану.

– Дмитрий Сергеевич, прикажете ли выдавать оружие иноземцам? Уж очень ненадёжные люди, не лучше ли их от греха запереть?

– Да уж, и верно, – отвечал капитан Трубецкой. – Не давать им оружия!

Было почти девять часов утра; подул морской бриз, способный быстро унести «Турухтан» на безопасное от пиратов расстояние. Хотя прао довольно быстроходны, не бывает случая, чтобы малайцы нападали на судно на полном ходу; они всегда ищут парусник, попавший в штиль или севший на мель. Капитан Трубецкой приказал ставить паруса, но вдруг оказалось, что прекрасно оснащенный «Турухтан» совершенно не слушается руля.

– Что за чёрт? Ничего не понимаю! – выругался Трубецкой. – Как могло случиться, что вот только всё было прекрасно, а сейчас корабль превратился в неуправляемую бочку?

Что касается пиратского судна, то оно как будто только и ждало этого: вскоре с нашего корабля увидели, что над ним взвились паруса, и прао начало неминуемо приближаться к «Тутухтану». За ним от островов потянулись новые прао, ещё и еще отчаливавшие от берега.

Через час они уже находилось на половине расстояния орудийного выстрела от русского корабля.

– Похоже, что выбора у нас нет. К орудиям, заряжай! – скомандовал Трубецкой, и люди бросились исполнять команду к бою.

На судне было шесть двенадцатифунтовых орудий. Это совершенно ничтожное по европейским меркам вооружение здесь, в южных морях, считалось серьёзной огневой мощью. Одно только плохо – на Турухтане не было опытного канонира.

– Василий Михайлыч, наводи ты! – скомандовал Трубецкой. – В артиллерии ты более всех смыслишь!

Мичман Корзинщиков поспешил к орудиям левого борта, которыми должен был командовать; тщательно прицелившись в прао, он дал залп. Но когда дым выстрела унесло ветром, стало заметно, что ядро прошло мимо.

– Картечь!

Поняв, что их обстреливают, прао малайцев начали отгребать ближе к носу «Турухтана», уклоняясь от бортового залпа. Мичман поспешил к носовым орудиям, так и оставив бортовые заряженными.

Первое прао было совсем рядом, когда мичман дал залп носовыми орудиями картечью. Лодка малайцев вся скрылась в облаке брызг, в воздух полетели щепки. До русского экипажа донёсся вой: картечь разом вынесла половину экипажа.

Лодка беспомощно закачалась на волнах, трепеща пробитым во многих местах парусом, но остальные прао, несколько не уstraшённые судьбою своих соратников, только добавили ходу. С одного из пиратов раздался звонкий выстрел фальконета, слившийся с гулким стуком попавшего в борт «Турухтана» ядра. Трубецкой лишь презрительно усмехнулся: такой обстрел неспособен был причинить судну хоть какой-то ущерб.

Ещё один залп превратил второе прао в решето. Матросы, укpывшись за фальшбортом, поспешили ответить нападавшим ружейной стрельбой, стараясь вести прицельный огонь. С каждым выстрелом со стороны противника неслись крики ярости.

– Опиума нализались, сволочи! – с видом знатока прокричал Маталыкин. – Они вечно перед боем одурманивают себя!

Бой становился всё жарче. Капитан Трубецкой пытался развернуть корабль бортом к подплывающим всё ближе прао, а те, уклоняясь от бортового залпа, крутились, заходя с оконечностей. Ещё один меткий картечный выстрел разнёс третью лодку, но три другие смогли уже подплыть так близко, что стрелять по ним из пушек уже не было никакой возможности.

Началась яростная ружейная перестрелка; на палубу Турухтана дождём посыпались стрелы

– Держитесь, ребята! – кричал капитан Трубецкой. – Бог даст, ветер сейчас посвежеет, и мы уйдём от них!

Прежде чем уйти в открытое море, русскому судну было необходимо сначала обогнуть мыс большого острова, поэтому капитан приказал выполнить маневр. Но, корабль не слушался руля. Тут прао подошли вплотную к «Турухтану» и полуголые малайцы пошли на abordаж! Темнокожие фигуры в тюрбанах и разноцветных шароварах закидывали кошки, и, цепляясь за борта, ловко полезли на корабль. Прао качались на волнах бок о бок с «Турухтаном»; команда, встав вдоль фальшборта, отбивала атаки малайских пиратов ударами пик и выстрелами из ружей, не давая им подняться на палубу нашего брига. Пустили в дело подвешенные на рее ядра, чудовищным маятником хлестнувшие по врагу. Тут к матросам подоспел Пётр Паллас в сопровождении трех матросов, тащивших котелки с кипящей водой.

– Господа, прошу вас, дайте пройти, – вежливо попросил Пётр Семёнович. – Позвольте принять участие в этом деле! Мне, право, так редко это удаётся!

Подойдя к борту, Паллас и три матроса вылили содержимое своих котлов на головы пиратов. Эффект от такого душа оказался, что называется, «оглушительным»; целый хор диких завываний и воплей заглушил шум боя. Какое-то время пираты оказались в замешательстве; затем, оправившись, они яростно полезли вверх, дикими кошками карабкаясь по всему борту брига, яростно рубя при этом импровизированные abordажные сети «Турухтана»

Вскоре эта сеть, предусмотрительно растянута по приказу капитана еще до начала схватки, оказалась во многих местах перерезана пиратами. Орудя своими хищными, изогнутыми «крисами», они очень ловко перерезали толстый пеньковый канат, и, ворвавшись в многочисленные дыры, добрались до полубака; их тощие смуглые фигуры в широких штанах замелькали на носу судна.

– Все на шканцы! – хладнокровно командовал Трубецкой. – Бейте их оттуда ружейным огнём!

Пираты вторглись на палубу брига, заполонив палубу и полубак. Русские встретили их точными залпами. Собравшись на корме, матросы в упор расстреливали врага. Особенно здорово действовали мушкетоны, заряженные сразу горстью картечи; прицельный огонь сверху, с марсов, поддерживал яростное сопротивление российского судна.

Малайцы, придя в ужас от такой бешеной стрельбы почти в упор, на секунду остановились, но вскоре их главарь вывел своих головорезов из оцепенения и придал им смелости, возглавив оставшихся в живых пиратов в их отчаянной атаке на команду «Турухтана». Гортанно крича что-то, малайцы как черти ринулись вперёд.

И тут раздался страшный грохот; столб огня, вихрь сверкающих искр и облако дыма, возникшие перед матросами, ослепили и оглушили всех на несколько секунд. Когда дым рассеялся, и солнечный свет вновь залил палубу, команда увидела, что произошло.

Мичман Василий Корзинчиков, исполнявший теперь обязанности артиллерийского офицера, с помощью нескольких матросов развернул одно из кормовых орудий в сторону полубака и дал по пиратам залп картечью. Результат был ужасен: плотно летящее облако чугуна буквально смело большую часть нападавших. На палубе остались кровавые брызги и куски мяса, корчащиеся, извивающиеся коричневые тела.

– В атаку! – скомандовал капитан Трубецкой.

Матросы хлынули со шканцев вниз, убивая раненных и оглушённых пиратов. Оставшиеся в живых малайцы спешно попрыгали за борт через те же самые прорехи абордажных сетей, сквозь которые они и залезли на корабль.

– Перевязать раненых, доложить о потерях! – приказал Дмитрий Сергеевич.

При подсчёте потерь выяснилось, что погиб один русский матрос и один филиппинец; несколько человек было тяжело ранено.

Когда последний темнокожий труп был выброшен за борт, команда подняла паруса и занялась починкою повреждений. Тут и было сделано открытие, объясняющее неожиданную неуклюжесть судна и его не менее удивительную неспособность слушаться руля, что и позволило пиратам провести свою дерзкую атаку: румпель корабля оказался заблокирован!

Все матросы-азиаты тотчас же были арестованы.

– Артиллеристов надобно хороших! – отвечал мичман, морщась, пока Паллас перевязывал ему раненую руку. – Вот же черти! Мажут свои кинжалы какой-то дрянью... Это ужас, как болит от него рана!

– Лезвие извивается как змея, оттого раны опасные, – пояснил ему Пётр Семёнович. – Да и яды они уважают!

– Испанцы предупреждали меня, что именно в этих водах пираты злобствуют особенно яро. Должно, какой-то местный раджа привечает их, – задумчиво произнёс Трубецкой, когда «Турухтан», наконец-то, подняв паруса, миновал опасные узости среди прибрежных островов. – Надобно здесь разобраться, да и подумать, как перебороть это зло... и держать всегда пушки наизготовку!

Глава 6*

Самую середину лета двор традиционно проводил в Петергофе. Я всегда любил это место: красота его носит воистину величественный характер. Дворец, построенный в стиле барокко, не отличается ни обширностью, ни красотой; но с балкона, на который выходит аудиенц-зал, открывается вид на аллеи садов, и сквозь сверкающие фонтаны, выбрасывающие свои струи выше самых высоких деревьев, виднеется море, покрытое многочисленными парусами кораблей, отправляющихся в Кронштадт или возвращающихся оттуда. В парке среди жаркого полдня можно взойти в любимую беседку Петра Великого, где у него имела своя маленькая кухня и все хозяйственные принадлежности в голландском роде; здесь он, как в молодости, еще воображал себя «мастером Петром Саардамским». Против беседки – прямоугольный пруд; и теперь еще старые золотистые карпы, возможно, те самые, которых кормил сам Петр, (эти рыбины отличаются завидным долгожительством) подплывают на звук колокольчика за хлебом, который всяк им охотно бросает. Впрочем, самая ценная вещь тут – близость залива и фонтаны, разгоняющие одуряющую июльскую жару; и, разумеется, тут нет ни гнуса, ни комаров. Отличное место, чтобы провести тут июль, занимаясь российским флотом!

Недавно весь двор и императрица получили новую забаву: из далёкого Иркутска к нам приехал... живой японец! Оказалось, это капитан корабля, потерпевшего крушение у наших берегов. Вместо того чтобы вернуть беднягу восвояси, местные власти отправили его в Петербург, чтобы императрица самолично решила его судьбу. Таковы издержки сугубо российской централизации власти!

Одетый в европейское платье, бедный японец был представлен императрице. Упав на колени, он плакал и что-то бормотал на своём тарабарском наречии; нам перевели, что он хочет вернуться домой. Под конец своей взволнованной речи японец лизнул Екатерине руку; в стране самураев не знали, что такое поцелуй.

Екатерина казалась тронута; назвав беднягу «бедняжкой», тут же решила отправить его на родину. Однако же благоразумие взяло верх; ведь спасение японского капитана было прекрасным поводом установить дипломатические отношения с этой закрытой страной. Стали готовить посольство; и я, не утерпев, предложил отправить их всех морем, обещав полную безопасность в пути. А теперь вот сижу я и думаю – смогу ли я выполнить своё обещание? Чем глубже я погружаюсь в дела Адмиралтейств-коллегии, тем больше в этом сомневаюсь!

Получив в свои руки полное руководство морским ведомством, я вплотную занялся его тематикой. В здании Адмиралтейства мне был устроен большой кабинет с обширным приёмной и залами для собраний. Вникая в ход дел, я первым делом произвёл ревизию, показавшую, впрочем, что на бумаге дела ведомства были в порядке.

Для меня это не стало неожиданностью: основное воровство происходило иным путём, который невозможно было вскрыть простою проверкой счетов. Об этом мне очень многое рассказал Суворов, конечно, с примерами из армии, а не из флота, но суть-то была одна: воровали путём не выдачи матросом, гардемаринам, мастеровым, госпитальным командам того содержания и предметов, которые полагалась им отпускать, пользуясь невозможностью для «нижних чинов» подать жалобу в высокие сферы. Много воровали при постройке кораблей и их ремонте, отчего получалось, что числящиеся вполне боеготовыми суда при тревоге не могли выйти из гавани; воровали путем получения рационов на «мёртвые души», и сотнями других способов.

Мне предстояло создать такой механизм, который позволял бы выявлять все эти злоупотребления, как бы их не маскировали.

Прежде всего, на здании Адмиралтейства появился ящик для жалоб; любое письмо, даже анонимное, подвергалась проверке. Во-вторых, я решил завести секретную команду матро-

сов-провокаторов. Несколько человек, переводимые с корабля на корабль, разнюхивали, как обстоят там дела. Выявив злоупотребления, подбивали команду подать общую жалобу, обещая устроить так, чтобы она попала лично мне в руки. Для работы со злоупотреблениями ввёл должность обер-прокурора по флоту, внезапные выездные проверки и денежные вознаграждения за выявленные и доказанные злоупотребления. Было и несколько показательных дел: вице-президент Адмиралтейств-коллегии Чернышёв за хищение имущества получил штраф в сто семьдесят тысяч рублей, для выплаты которого вынужден был сдать в казну ранее пожалованные имения.

Проблемы, конечно есть не только с постройкой но и с эксплуатацией. Некоторые командиры злоупотребляют своим положением и часто прикарманивают даже кормовые деньги. За счет матросского желудка офицеры строят себе дома и наживают капиталы. Матросы, словно крепостные, работают в домах и огородах у командиров. Нравы господ офицеров не отличаются деликатностью – всю пускаются в ход линьки, бывает и кулачная расправа. Очень плохие условия жизни и быта: затхлый, испорченный воздух в помещениях, вечно сырая одежда приводящие к высочайшей смертности. В Кронштадте, бывает, за одну зиму умирает от цинги четверть гарнизона! А Кронштадт – это, можно сказать, ввиду Петербурга; что же происходит далее?

Ладно, разберёмся со всем по порядку.

Для улучшения конструирования судов, как боевых, так и торговых, удалось пригласить нескольких французских специалистов, обеспокоенных происходящим на Родине. Однако переговорив с ними, я понял что даже во Франции, считающейся колыбелью научного кораблестроения, строение судов до сих пор сродни шаманизму; по сути корабельщики действуют наугад, рисуя обводы корпуса по наитию и предшествующему опыту. Это меня совершенно не устраивало, и я приказал построить в Адмиралтействе «опытовый бассейн» – ёмкость длиной в 30 аршин, где паровой двигатель создавал постоянный поток воды. В нём можно было, сделав несколько моделей с разными обводами корпуса, и замерив у каждой сопротивление набегающему потоку, хотя бы проверить, какие обводы будут давать лучшую скорость.

Французы-инженеры сообщили, что сейчас для океанских судов повсеместно стала применяться ост-индская система, дающая большую прочность корпуса. По такой схеме уже строились шведские линкоры, захваченные нами под Выборгом, чью конструкцию мы, разумеется, тщательно изучили.

Ко всему прочему, мы добавили в набор корабля металлические растяжки и усиления. Как известно, обыкновенное железо лучше всего работает на растяжение; если сделать металлический тросик, и натянуть его в корпусе судна, прочно закрепив к бортам, геометрическая прочность его существенно повысится. То же самое касается и мачты; металлические растяжки заметно укрепляли их, хотя мне было понятно, что в перспективе придётся переходить на железную ферменную мачту и металлический же набор корпуса.

В те времена для боевых кораблей особенно опасен был «анфиладный» огонь, когда противник, зайдя с носа или кормы, безнаказанно расстреливает корабль вдоль корпуса. Тут мы с корабельщиками задумались, не стоит ли установить в оконечностях прочные траверсы, способные выдерживать такой обстрел. Устройство такой «бронеперегородки» на носу было бы полезно ещё и тем, что позволило бы нашим кораблям смелее атаковать вражескую линию, так как это всё чаще практиковали англичане. Здесь я поставил задачу разработать конструкцию комбинированной брони из дерева и полосового железа, что дала бы наилучшую защиту.

Разумеется, с кораблей убрали все украшения, зато обшивка подводной частью корпуса латуной стала обязательной. Для повышения долговечности корабли стали делать исключительно из лиственницы и дуба, дополнительно обработанных разными консервантами. Были сделаны опыты с образцами древесины; их вымачивали разными составами и оставляли гнить. Наилучший результат дала пропитка каменноугольным дёгтем; хорошие результаты показал

и медный купорос. Очень большие надежды я возлагал на принудительную сушку древесины камерных сушилках, что позволяло довольно быстро и надёжно готовить большие объёмы строевого корабельного леса.

В корабельной артиллерии было приказано разработать единый образец чугунного 36-фунтового орудия, ставить его на все новые корабли и фрегаты, а также переоснастить и все старые линейные корабли. Я хорошо помнил ту пушку, что взорвалась при мне на борту «Трёх иерархов», убив при этом двоих канониров; всю старую артиллерию было приказано перелить по методу Гаскойна. При этом мы пошли на лютую, по местным меркам, инновацию: все эти орудия должны были быть одинаковые.

Дело в том, что до сих пор самые крупные, в 32-36 фунтов, калибры, располагались на нижней палубе, выше ставили 18 – 24 фунтовки, наверху совсем лёгкие орудия и кароннады, стараясь иметь как можно более орудий на борт. Но от малокалиберных пушек верхнего борта толку в бою было мало. Поэтому я решил, что вся артиллерия будет иметь один и тот же калибр, одну и то же длину ствола, только на верхней палубе орудийные порты будут располагаться реже, чем внизу. Конечно, это означало, что пушек в целом будет меньше; однакож вес бортового залпа даже увеличивался. Дополнительно приятным бонусом была возможность, поставить на верхних палубах поворотные лафеты, резко увеличивающие сферу артиллерийского огня.

Во время Выборгского боя на меня большое впечатление произвело действие на деревянные суда калёных чугунных ядер. Батарея капитана Бонапарта в Выборгском сражении удивительно успешно поджигала шведские линкоры, прорывавшиеся из акватории залива на открытую воду; буквально двух-трёх попаданий хватало, чтобы гигантский линкор сгорал дотла. Я приказал изучить возможность разместить по одной-две калильных печи в трюме каждого линкора. Главная проблема здесь заключалась в необходимости подачи в трюм очень большого объёма воздуха, необходимого для создания нужной температуры. К счастью, у меня уже была разработанная Кулибиным конструкция принудительной вентиляции; единственным недостатком её был ручной привод. В бою пришлось бы отвлечь на вращение вентилятора добрую дюжину матросов, что, конечно, было крайне нежелательно. Дабы этого избежать, придумали приводить в действие вентиляцию от воздушного колеса, как у ветряной мельницы. Устройство такой калильной печи в трюме линкора, кроме всего прочего, позволяло просушивать дерево силового набора и корпуса, что должно было положительно сказаться на долговечности конструкций.

К сожалению, поставить калильную печь такой мощности, чтобы можно было раскаливать ядра для всех орудий линкора, было совершенно невозможно; печь успешно питала лишь несколько стволов. Но даже это многократно усиливало корабельную артиллерию во время морского боя.

Сильно изменился и наш гребной флот. Английские корабли, состоявшие перед войной на шведской службе, разработали несколько интересных конструкций гребных кораблей, предназначенных для прибрежной обороны Балтики. Именно их выдающиеся характеристики в своё время и внушили покойному шведскому королю надежду на успех в бою против Российского Балтийского флота. Теперь они были внимательно изучены нашими кораблями; в этих целях часть шведских судов даже пришлось доставать со дна Выборгского залива. Я поначалу и не догадывался, что такое возможно, но потом услышал, что во время осады Очакова некий Осип Дерибас поднял затопленные турецкие корабли, посадил на них русские экипажи, и они потом ещё вполне успешно повоевали с турками.

Больших вложений требовала береговая инфраструктура. Кронштадт утопал в непролазной грязи. Крепостные валы представляли собой развалины, пушки со ржавчиной. Гарнизон – только подобие войска. В общем, все находилось в запущенном состоянии. На юге требовался перевод всех верфей из мелководного Херсона в Николаев; кроме того, если с военным пор-

том на Чёрном море ситуация уже определилась – это будет Севастополь, то, где возникнет главный торговый порт на Чёрном море, пока было неясно – изначально планировавшийся для этих целей Херсон на эту роль не подходил.

***

Новых вложений требовали наши заморские владения. Надо было продолжать закрепляться на побережье Малакки, на Аляске и Алеутских островах; построить верфи в Сингапуре, устроить опорные пункты в Южной и Западной Африке, имея в виду интересы нашей заморской торговли.

Поступали и новости от первой нашей экспедиции под началом капитана Муловского. Не так давно я получил письмо от Григория Шелихова. На корабле Соловки он добрался до Охотска, а оттуда отправился на Аляску – устраивать поселения и промыслы.

Письмо негоцианта Григория Ивановича Шелихова генерал-адмиралу Российского флота, Великому князю Александру Павловичу

Ваше Императорское Высочество!

Настоящим имею честь сообщить, что корабль «Соловки» после долгого плавания благополучно выполнил все задачи, поименованные в инструкции Вашей достигнут в побережья Китая, закупили здесь продовольствия на 14 тысяч серебряных рублей; двигаясь далее, достигли побережья Японии, пройдя коим на север, вышли к территории, известной как Сахалин Ангахата. Земля сия населена тремя народами: нивхами, айнами и ороками. Народы эти почитают себя под властью богдыхана, однакож манджурских людей здесь нет. По словам туземцев, Сахалин - это суть остров, отделённый от всей земли, куда с противоположной стороны втекает устье Амура. Места сии пустынные: ни китайцев, ни манжуров, ни монгол здесь не имеется, и кораблей даже их там не бывает. Полагаю течение Амура тоже от китайцев не заселённым, хоть и числится оно за богдыханом. Место сие для навигации сложно, ото льда очищается очень поздно, изобилуют туманами и мелями; в проливе между островом и материком сильное течение с севера на юг. Однако же полагаю что открытие навигации по Амуру от Нерчинска до Океана имела бы многие выгоды супротив сухопутного пути до Охотска, особливо для доставки крупных грузов.

Сообщаю, что дела Северо-Восточной нашей компании весьма благополучны. Тот год основали мы четыре поселения на Алеутских островах, острове Кодьяк и Аляске. Добыто было 8 тысяч шкурок морского бобра, по девяносто рублей, и 22 тысячи морского котика, по 5 рублей, иных мехов тоже немало. По отсутствию покамест кяхтинской торговли продали всё в Кантоне, закупив взамен чая, что с Колмогором должен доплыть до Кронштадта. Торговлю в Кантоне держат англичане Ост-Индской компании, а с ними – индусы, армяне и парсы. Они продают тут опиум и хлопок, закупают чай; притом закупку ведут заранее, чтобы китайские ханы доставили чай заранее под приход судна. Нам надо также дела вести, иначе большой простой кораблям нашим будет.

Купец первой гильдии Г р и г о р и й Ш е л и х о в

Действительно, недавно из южных морей пришло судно «Колмогор» во главе с капитаном Тэвененом, привезя груз олова с Малакки и партию байхового китайского чая. Однако же выяснилось довольно печальное обстоятельство: за время пути из-за долгого нахождения в трюме чай приобрел неприятный запах. Груз на 200 тысяч серебряных рублей оказался испорченным!

– Несмотря на то, что чай лежал не в самой глубине трюма, – вниз мы положили слитки олова, – он всё же напитался запахом смолы, обильно выступавшей при тропической жаре из дерева корпуса – объяснил Джеймс Тэвенен.

Эта ситуация здорово меня беспокоила; я возлагал большие надежды на доставку грузов морским путём, и чай здесь занимал одно из первых мест. Под этот проект уже была создана торговая компания, в которую члены Вольного экономического общества готовы были вложить крупную сумму денег.

Стали думать, что с этим делать. В итоге родилось три идеи.

Во-первых, решили прессовать чай в кирпичи и паковать в коробки из оловянной жести. Так грузна долгом пути из Кантона в Кронштадт мог сохранить свои качества.

Во-вторых, вентилировать трюмное пространство, постоянно подавая в него свежий морской воздух. И тут должна была помочь вентиляционная установка Кулибина, с приводом от воздушного колеса. Устройство такой вентиляции в трюме, кроме всего прочего, позволяло просушивать дерево корпуса судна, что должно было положительно сказаться на долговечности конструкций.

Ещё одним способом, благотворно сказывавшимся на сохранности груза было бы повышение скорости его доставки. Нужны были скоростные суда с узким корпусом, глубоким килем и очень мощным парусным вооружением. Какие транспорты могли бы легко уходить от пиратов, вражеских каперов, прорывать морские блокады и очень быстро перевозить различные товары. Не так давно, во время американской войны за независимость, янки разработали конструкцию так называемый «балтиморской шхуны», позволявшей мятежным колониям, несмотря на действия британских каперов, поддерживать торговые сношения с Европой. Примерно такие же корабли нужны были и нам: бороздить бескрайние просторы Индийского и Тихого океанов, привозя в Петербург и Херсон товары из юго-восточной Азии. Тут перед нами возникла дилемма: стоит ли пригласить кораблестроителей из Бостона, знакомых с такой конструкцией судна, или же разрабатывать её самостоятельно. Чернышёв и Голенищев-Кутузов, бывшие соответственно моим первым и вторым заместителями, предлагали первое, указывая на отсутствие опыта наших корабелов в постройке быстроходных океанских судов; но я настоял на другом.

– Пока мы дождёмся корабельных мастеров из Бостона, пройдёт более года. Удастся ли нам пригласить действительно хороших специалистов – неизвестно. Самое главное пока мы будем принимать у себя конструкцию существующей шхуны, в Англии или Америке уже придумают что-то лучшее. Нет, нам надо разрабатывать своими силами собственную конструкцию. Сделав корпус из хорошей лиственницы, с обводами, сделанными не наугад, как всегда, а полученными в результате экспериментов в бассейне, применив железные стяжки, укрепив мачты стальными тросами, везде пустив первоклассные материалы, мы должны получить шхуны много лучше балтиморских!

Надо сказать, что план был дерзновенный и на первый взгляд сильно отдавал маниловщиной. Русское кораблестроение не отличалось тогда качеством. Рядом использовался сырой или плохо просушенный лес; вместо дуба или лиственницы широко применялась сосна. Крепление досок корпуса на деревянные гвозди тоже было ненадёжно; даже сильный удар волны был способен выломать такую доску, что приводило иной раз к самым печальным последствиям. Низким качеством отличались и отечественные отечественных паруса и оснастка: скажем, новгородская парусина была настолько тонкой, что от свежего ветра попросту рвалась на куски. Якоря русской выработки часто были столь ненадёжны и легковесны, что в шторм корабли просто срывало со стоянки. Всё это ограничивало применение наших кораблей замкнутыми акваториями; и, разумеется, никто из иностранцев не стал бы покупать такие корабли, что я планировал наладить ещё два года назад, продавая вместо корабельных материалов сами корабли.

Что же касается партии чая, доставленной Колмогором, то я, вспомнив про чай марки Эрл Грей, решил просто ароматизировать его бергамотовым маслом.

Письмо великого князя Александра Павловича негоцианту Шелихову.

Григорий Иванович, сердечно рад был получить письмо ваше, узнать, что вы живы и благополучны. Теперь нами готовится восемь торговых судов специально для плавания в Южные моря, так что, чаю, переписка у нас пойдёт бойчее.

О добыче морского бобра, сиречь, калана, сообщаю, что с таким промыслом бобёр этот вскорости совершенно вымрет. Потому намерен я войти к императрице с ходатайством об объявлении Аляски, а также островов Сахалина, Курильских, Алеутских, Прибылова, Св. Лаврентия, Кодьяк, и прочих известных нам, территорией Российской державы. Притом будет устроено патрулирование богатых вод и добыча морского зверя по привилегии, с указанием добываемых голов.

Вам же предлагаю искать и иные средства к добыче прибыли. Черно-бурую лису и песца можно растить в клетках, кормить сушёною рыбой, коей в местных реках изобильно. Ищите места, богатые золотом, медью и нефтью, всё это даст добрый доход.

Для морской торговли с Китаем надо назначить в Кантоне нашего агента, дабы заранее, по примеру англичан, закупать чай и сбывать наши товары. Дело это прибыльное и долговечное, потому требует доброй заботы и внимания. Для повышения ваших возможностей сообщаю, что с первым же нашим судном направляю вам отряд корабельных мастеров для устройства верфей в Петропавловске и на острове Кодьяк.

А л е к с а н д р

Дано в Петергофе, «12» августа 1791 года.

И всё же главным вопросом оставалась прочность и долговечность судов. Сейчас на Соломбальской верфи строится первые 8 быстроходных океанских клиперов; но будет ли доброкачественной постройка? Конечно, можно поставить проверяющих; но кто проверит их самих? Опять же японец этот... вдруг мы его не доведём? А ведь от этого зависит возможность установить дипломатические отношения с немаленькой дальневосточной державой...

Долго я думал на сей счёт, и в итоге решил применить репрессивные меры. Мастерам, строившим эти корабли, было объявлено:

– Некоторые из вас, выбранные по жребию, поплывут на этих кораблях в Петропавловск и на Аляску, устраивать там верфи. Очень советую построить корабли так, чтобы они благополучно доплыли до означенных мест!

Ну что поделать? Не мы такие, жизнь такая...

Глава 7

В связи с наступающей осенью генерал-аншеф Суворов вернулся из Финляндии и поселился в доме камергера Дмитрия Хвостова, своего племянника.

Я решил навестить его прямо в доме камергера: Александр Васильевич последнее время не любил часто появляться при дворе. Верхом дойдя под моросящим дождём до приличного двухэтажного особняка на Крюковом канале, я просил старика-привратника доложить обо мне, и был сразу же принят.

Меня проводили в приемную; Александр Васильевич вскоре спустился, одетый по полной форме в мундир, что, вообще говоря, на суворовском языке означало нешуточное уважение к собеседнику.

– Рад видеть вас, Александр Васильевич! Что поделываете вы сейчас в Финляндии?

– Много дел в этом краю, много забот! Прежде всего, исполняю приказание Государыни Императрицы о поправлении всех тамошних укреплений. Ведь у нас, как началась война со шведами, тут же ясно стало, что крепости наши тамошние ничего не стоят.

– А вы, что же, разбираетесь в фортификации?

– Помилуй Бог! Ведь я образованием – военный инженер, как же мне не знать её? Ну, набросал я план постройки и ремонта укреплений, как в русской Финляндии, так и в Королевстве. Государыня сию бумагу в основных её чертах утвердила, да и поручила мне исполнение. Ныне трудами вверенных мне солдат усилены укрепления Фридрихсгама, Вильманстранда и Давидштадта; исправлен и усилен Нейшлот; сооружены новые форты Ликкола, Утти и Озерный; оборонительные средства саволакской дороги усилены проведением каналов; при Роченсальме, на нескольких островах, возведены довольно сильные укрепления, а на сухом пути заложена крепость Кюменегард. Роченсальм теперь сделался главным укрепленным пунктом южной части финляндской границы, там устраиваем сейчас новый порт.

– И что, много ещё работы?

– Преизрядно! Кроме роченсальмского порта, надо устраивать ещё укрепления на мысе Гангут, укрепить Таммельфорс и Або.

– Слышал, императрица Вашей службою в Финляндии весьма довольна!

– Признаться ваши высочества я и сам доволен. Как погляжу на возведённые укрепления, Так сердце радуется – массивнее, прочнее и красивее строений тяжело обрести. Особо ливо радует Нейшлот: знатная крепость, помилуй Бог, как хороша: рвы глубоки, валы высоки, лягушке не перепрыгнуть, с одним взводом штурмом не взять. Много, конечно приносит это дело хлопот: работы надо обойти, материал доставить... Я уже 10 кирпичных заводов устроил, разыскиваем известковый камень и сами жжём из него известь; и то не хватает, приходится выписывать известь и кирпич дополнительно из Петербурга и Ямбурга. В сию зиму надо будет построить для их доставки особые суда!

– Александр Васильевич помилуйте! Перед вами генерал-адмирал Российского флота; найдём мы суда для ваших надобностей!

– Вот это славно! Слышал я про ваш кунштюк с уральскими баржами; нечто подобное и здесь бы пригодилось! А я ведь несколько сродни вам: у меня теперь свой флот есть!

Оказалось, у Суворова, кроме постройки и исправления крепостей, были ещё на руках флотилия и войска. Большая часть гребной флотилии находилась в шхерах, меньшая на озере Сайма. Флотилия была не малая, в ней числилось до 125 судов разных названий и величины с 850 орудиями, и на Суворове лежали обязанности по укомплектованию и обучению людей. Кое-какие практические сведения по военной морской специальности он приобрел раньше, в Очаковском лимане, где ему тоже подчинена была флотилия, и продолжал в Финляндии присматриваться к делу. В первую свою сюда поездку, он брал частные уроки, о чем и писал

тогда же Турчанинову; позже, по некоторым известиям, он в шутку просил испытать себя в морских познаниях и выдержал экзамен довольно удовлетворительно. Если начальствование флотилией не было номинальным и требовало от Суворова трудов, то тем паче – командование войсками!

– Ах, Александр Павлович! Все укрепления, каналы, флотилия не причиняют и десятой доли неприятностей, что насылают недруги мои за состояние армии! Большие неудовольствия начались супротив меня в Петербурге. Ныне высокие чины в Военной коллегии ведут себя развязно и дерзко: всё осмеивают и осуждают взгляды мои на субординацию и дисциплину. Верно, эти господа понимают дисциплину в кичливости, а субординацию в трепете подчиненных.

– Да, Александр Васильевич, Военная Коллегия теперь не наша. Не смог я получить пост ея президента!

– Отменно жаль! Думаю, мы с вами, Александр Павлович, великие бы сделали дела! Но есть ещё один путь... Попробуйте при оказии и получить от государыни пост генерал-инспектора инфантерии и генерал-фельдцейхмейстера. Должности сии дают право руководить обмундированием и обучением войск. Очень больное это дело!

Я сразу же понял, о чём он говорит мне. Месяца через два или через три стали ходить слухи, будто войска в Финляндии наги и босы, солдаты, работающие на укреплениях и каналах, не имеют рабочего платья; будто все люди вообще не получают срочной по закону одежды, денежного довольствия, и тому подобное. Эти вести оскорбили и раздражили Суворова. Он направлял в коллегию письмо, опровергающее взводимые на него вины, с подробностями объяснял, что снабжение войск одеждою не принадлежит к его, Суворова, обязанностям и власти.

– Все работы в крепостях и на каналах производятся нарядом людей от земли и от войск, на точном основании высочайшего повеления. Солдатам платят по 5 коп. за сутки; эта норма одобрена Государыней! Притом, хотя таким образом солдаты заняты на работах, но уделяем время и воинской экзерции. Ныне распущены они на зимние квартиры, но не в виде мужиков рабочих, но солдат, готовых весною встать под ружьё. Притом указал я начальникам, что труды здоровее покоя, дабы и зимой солдаты не были праздны.

И тут тоже я понимал, откуда «растут ноги». В высших служебных сферах Петербурга с недавних пор пошли толки, что Суворов не жалуется солдат, эксплуатирует их бесчеловечно, с целью выслужиться самому, и оттого они в огромном числе болеют или бегают за границу. Говорили, что Суворов, имея странный взгляд на медицину и лечебницы, закрыл вовсе госпитали, а потому несчастные солдаты мрут, как мухи и что убыль людей в Финляндии дошла до громадной цифры.

В те времена военно-врачебная часть и в Европе-то находилась в жалком состоянии, а в России отличалась совершенным безобразием. На русский военный госпиталь можно было смотреть почти как на могилу; толковых врачей в русской армии было чрезвычайно мало; были они почти все из немцев, врачами являлись только по названию, а жалованье получали ничтожное. Смертность в войсках была страшная, ну а в рекрутах, до прибытия их в войска, и того больше. Были местности, именно Кронштадт и Финляндия, где скорбут уносил из войск полкомплекта ежегодно. В последние годы военно-врачебная часть несколько улучшилась, потому что службу врачей стали оплачивать лучше, однако улучшение сие было незначительно.

– Однако же, Александр Васильевич, разве стоило закрывать госпиталь? Они, хоть и дурны, а всё же это лучше, чем ничего?

– Да, а госпитали я и верно, позакрывал. Ныне контракты подрядческие в госпиталях истинно разбойничьи, а содержание больных служит предметом самого наглого лихоимства! Порядочной величины госпиталь, не стоящий впусе, есть золотое дно для всякого рода неразборчивых охотников до наживы; Мне ведь предлагали взятку в 7000 рублей за то только, чтобы он не закрывал госпиталей.

– Так, так, а давайте-ка поподробнее!

– Что сказать? Главные злоупотребления основываются на числе умерших, времени их смерти, способе счисления их и проч. Ведь мертвая собака не лает! Вот, скажем, брошен в яму фланговый рядовой Алексеев, а когда он помер, сколько дней пролежал на госпитальной койке, каких и сколько лекарств на ней он изведаль – кто разберёт? Не будет же никто его выкапывать и дознаваться по трупу! Бывает и ещё веселее: иной положит себе в карман 2-месячный провиант на известное число людей, в надежде, что авось повымрут за это время; но по несчастью для него, полностью и не умерли; и в таком случае эти, «запланированные» мертвецы, отправляются гулять за милостынею, до истечения известного срока.

– Но смертность ведь и вправду велика?

– Исключительно! При суровом климате Финляндии и обилии болот, солдаты, особенно уроженцы других мест России, хворают тут очень много: зимою скорбутом, весною и осенью – лихорадками, летом – поносами и горячками. Но ведь то не моя вина: это неустройство длится уже шестьдесят лет. Приехав в Финляндию, застал я годовую смертность в войсках огромную, и Военной коллегии это известно. Притом, гошпитали переполнялись, злокачественность их увеличивалась, и они делались буквально гнездами заразы. Оттого я их и позакрывал; людей, наиболее пострадавших от болезней, велел выключать в отставку, а остальных передали в полковые лазареты.

В дальнейшем разговоре выяснилось, что Суворов, принимая во внимание страх солдат перед госпиталями, старался оставлять больных при войске, устраивая лазареты и «слабосильные команды».

– У нас заведено давать слабым льготу, и помещать их на пользование в особой казарме или в крестьянских домах; соблюдать крайнюю чистоту; потному не садиться за кашу, не ложиться отдыхать, а прежде разгуляться и просохнуть. На лихорадку, понос и горячку – голод, на цингу – табак. Кто чистит желудок рвотным, слабительным, проносным, – тот день голод. Солдатское слабительное – ремень, корень коневьяго щавеля тоже. Даём из предосторожности капусту, хрен, табак, летние травы. Приказываю непрерывное движение на воздухе.

Из всего, мною услышанного, стало понятно, что Суворов был, что называется «гигиенист», то есть он шагнул далеко вперед сравнительно со своими современниками. Зная быт солдат, их понятия, симпатии и антипатии, как свои пять пальцев, он не только не думал оспаривать их традиционную ненависть к госпиталям, но еще поддерживал ее. Это послужило поводом к злоязычию в высшем петербургском обществе. Не хотели и не умели видеть в Суворове, кроме чудака, еще нечто другое; как его живое, осмысленное обучение Суздальского полка в Ладогe относили к категории причудливых выходок, так теперь в Финляндии здоровые гигиенические меры огласили вредным фантазерством, которое подбито эгоистическими расчетами.

Еще больше убьели смертью, ставилось Суворову в укор дезертирство. Но это было язвой всей русской армии того времени, особенно в войсках пограничных, так что в разных местах, за границей, образовались целые колонии русских беглых солдат. К числу таких районов принадлежала и Финляндия, которая, сверх того, служила ссылочным местом для порочных солдат, как крисгрехтных (осужденных по суду), так и переведенных из гвардии за проступки. Немудрено поэтому, что в финляндских войсках было постоянно много беглых, и хотя Суворов уменьшил размеры зла, но не имел времени и возможности добиться до существенного улучшения.

– Вот в Южной армии, у светлейшего князя, держал гошпиталь доктор Самойлович. Вот у него всё было поставлено замечательно!

Доктор Самойлович... Где-то я уже слышал про него! Надо бы уже познакомиться с этим самородком! Я до сих пор не решался оторвать занятого человека от важного дела, – представляю, сколько у него в Екатеринославской армии работы! Но было бы замечательно наладить госпитальную часть и лазареты лучшим, чем сейчас, образом.

– Александр Васильевич, Доктора Самойловича я при случае непременно вызову в Петербург, и, если только это будет в моей власти, перестрою госпитальное дело по его указаниям. А что до слухов, которые вас порицают – я уверен, что всё это грязные басни!

– Ах, Александр Павлович! Все, кто знает меня, думают также. Однако я не жалую, чтобы меня кто решился этак вот порицать, и впредь буду требовать сатисфакции! Я, как партикулярный человек, отвечаю всякому партикулярному человеку, как равный ему, кто бы он ни был, и что бы то ни было!

– Ну, Александр Васильевич, не горячитесь так! Ещё не хватало, чтобы командовавший под Измаилом генерал вдруг получил пулю на дуэли от какого-нибудь светского хлыща. Вы лучше обращайтесь ко мне... со всем обращайтесь ко мне! ведь вот с дочерью вашей удалось всё решить ко всеобщему удовлетворению!

Тут Суворов просто расцвёл.

– Ах, не могу выразить всю мою к вам признательность за участие в судьбе дочери моей! И то внимание, которое оказали вы на празднике в Таврическом дворце, многим заткнуло рты! Кстати, она сейчас здесь. Наташа! Наташа!

Через несколько секунд Наталья Александровна, в домашнем кисейном платье, спустилась с бельэтажа.

– Наташенька, сердце моё, вели подать самовар, да и сама присоединяйся к нам; мы с Александром Павловичем, верно, о делах больше не будем толковать.

Вскоре на стол поместился вместительный медный, покрытый лёгкою патиною самовар, фарфоровые чашки и разные угощения, между прочим – моё любимое земляничное варенье. Мы переместились из гостиной в столовую залу, куда спустился вскоре Дмитрий Иванович Хвостов – хозяин дома, супруга его Аграфена Ивановна, и, разумеется, Наталья Александровна.

Она, будучи уже со мною знакомой по дворцовым камер-фрейлинским обязанностям, в отличие от робевших хозяев дома, спросила довольно непринуждённо:

– Ну, господа, об чем разговор ваш закончился? Что порешили? На Стокгольм поход или на Царьград?

– Бери выше, Наташенька: Александр Павлович любезно определили меня воевать безбожный Париж! – с серьёзным видом отвечал ей отец, смешинками в глазах давая, однако, понять, что к словам его относиться серьёзно не следует.

Аграфена Ивановна, племянница Суворова, своими руками налила нам чай.

– Господи, как же я счастлива, что он теперь в Финляндии! – отвечала Наташа, беззаботно болтая серебряной ложечкой в чашке веджвудского фарфора. – Нечасто мне в детстве доводилось видеть отца своего! Теперь же, я знаю, он рядом, ведь Финляндия много ближе и Молдавии, и Крыма! Даже вот, приезжает к нам иногда... Может, на Париж-то вы Каменского пошлёте, или Репнина?

– Ну, только не «сипящего фাগота»! – деланно возмутился Суворов, и правда, не жаловавший этого полководца, особенно с тех пор, как он заменил Потёмкина в Южной армии.

– А я полагаю, Наталья Александровна подала сейчас мнение огромной государственной важности. Следует лечить подобное подобным: отправить «гнусавого» к «гнусавым» – это конгениально! – отшутился я, любезно изобразив поклон в сторону дочери Суворова.

– Глупости! – то ли в шутку, то ли всерьёз отвечал полководец. – Александр Павлович, мы только что толковали с вами, что доктора все суть шарлатаны и мошенники! «Лечить подобное подобным». Ну, надо же! Вот вы скажите мне на милость, чего общего у конского щавеля с поносом... гм... впрочем, это не к столу...

– А что, на юге наши дела кончены? – осмелился спросить Дмитрий Иванович, в продолжении нашего разговора державшийся очень скромно.

– Наверное, да; все условия мира согласованы, и государыня очень его желает. Граф Безбородко, полагаю, вскоре окончит это дело!

В действительности всё было сложнее. Во-первых, я подкинул одним из условий мира с Турцией беспрепятственный проход наших судов через Босфор и Дарданеллы, притом как торговых, так и военных. Султану это требование страшно не понравилось – ведь ненавистные русские корабли будут теперь проплывать в миле от его дворца! Безбородко тоже был крайне недоволен таким условием, но после недавнего урока возражать не решался. Вообще дела его шли на спад: императрица не простила ему оппозиции в отношении вопроса о престолонаследии, старый покровитель Воронцов ушёл в длительный отпуск, как говорят, грозящий переходом в отставку, а новый фаворит государыни активно рыл под него, собираясь забрать внешнеполитическое ведомство себе. И пока Александр Андреевич корпел в Яссах над бумагами, его же сотрудник, Аркадий Морков, в Петербурге уже перехватывал все бразды правления, в расчёте стать при Зубове серым кардиналом.

– Однако же, говорят, вскоре откроется дело в Польше – заметил Дмитрий Иванович.

Действительно, дела с Польшей становились всё более и более напряжёнными. В Варшаве все громче и резче высказывались недовольства против майской конституции. Самое сильное недовольство возбуждено было мерой, предпринятою для увеличения финансовых средств: ведь большая коронная армия, запланированная реформаторами, стоила огромных денег. Двое первостепенных вельмож стали во главе недовольных майским переворотом: Феликс Потоцкий, генерал артиллерии коронной, и Северин Ржевуский, гетман польный коронный. Осенью они отправились в Молдавию к Потемкину хлопотать о русской помощи. Потемкин умер: они обратились к Безбородко, ведущему в Яссах мирные переговоры с Турцией. К ним присоединился и великий гетман Браницкий, отправившийся в Россию под предлогом получения наследства после Потемкина. По всем провинциям Потоцкий и Ржевуский разослали письма с обещанием помочь нации возвратить ее старые права и вольности; Ржевуский прислал формальный протест против конституции 3 мая, обращенный к королю и Совету министров.

Я, будучи посвящен в некоторые тайны внешней политики, знал, что вопрос уже согласован и решён. Императрица, оскорблённая отказом поляков от её гарантий незыблемости польской конституции, уже вступила в переговоры с недовольными магнатами. В Варшаве уже что-то подозревали: уже было понятно, что Россия, договорившись с соседними державами, теперь настроена враждебно и ожидает только удобной минуты, чтобы обратить свое оружие против Польши. Со всех сторон в Варшаву неслись неприятные вести: в Берлине, недавно лишь набивавшемся в союзники против России, им оказывают большую холодность; в Дрездене курфюрст вовсе не спешит согласиться стать наследником польской короны, делает бесконечные возражения, выставляет формальности; в Вене, видимо, хитрят, не желая брать на себя никаких определённых обязательств; ясно одно – император не отступится от союза с Россией ради непонятно чего.

В общем, война, конечно, будет, только вот скорее всего, Суворову в ней участвовать не придётся. Так и оставят его в Финляндии, строить крепости, а значит, не стоит о том и толковать – чего зря расстраивать старика?

– Вы, Ваше Высочество, просите государыню оставить Александра Васильевича в Финляндии навечно, а ещё того лучше, перевести его в Петербург! А то опять его видеть не будем – полусерьёзно, полушутя попросила меня Наташа.

– Сами и попросите, Наталья Александровна. Вы её видите чаще меня!

– В моих устах это будет не столь авторитетно! Вас она слушает, а фрейлин своих – нет, только статс-даму Протасову, госпожу Перекусихину и ещё иногда фрейлину Головину. И скажу я вам, Александр Павлович, тяжело мне приходится с последней дамой – очень она невзлюбила меня за что-то. Постоянно шпильки подпускает, распускает глупые слухи, шепчет

всякие гадости у меня за спиной. Так я вас прошу, ежели дойдёт до вас какая-нибудь сплетня на мой счёт, вы ей не верьте!

– Дать бы этой Головиной укорот! – неодобрительно заметила Аграфена Ивановна. Говорят, они с мужем при Дворе – первые сплетники и интриганы!

Суворов в продолжении этого разговора выглядел совершенно несчастным: если на клевету в свой адрес он мог отвечать её опровержением, или, в крайнем случае, требовать сатисфакции, как любой дворянин, владеющий шпагой, то в сфере дворцовых интриг он был беспомощнее младенца.

Я не мог видеть его в таком состоянии.

– Такое не должно происходить с Натальей Александровой! Господа, обещаю что-нибудь придумать...

Тут вбежал к нам мальчонка лет восьми, страшно довольный собой, а за ним, причитая, поспешала гувернантка.

– Простите наше вторжение, господа! Мосье Аркадий такой непослушный!

Аркадий – то ли сын, то ли не сын Суворова, – теперь жил в доме Хвостова, и формально числился моим пажом.

– Ну-ка, ну-ка, молодой человек, дайте-ка я на вас посмотрю! Вы очень нечасто появляетесь на службе, я бы сказал. Я даже не знаю, как выглядит мой паж!

Мальчонка на мгновение застыл, не понимая, что хочет от него этот молодой господин; затем схватил из вазочки конфету и убежал.

– И что же, месье Аркадий нас покинул; пожалуй, пора и мне, – произнес я, поднимаясь из-за стола. – Аграфена Ивановна, варенье выше всяких похвал; Наталья Александровна, чай великолепен! Право, всегда пил бы его из ваших рук...

– Чай новомодный, с бегемотом; вот недавно купили! – похвасталась Аграфена Ивановна.

– Да что вы говорите? Надо и нам на дворцовую кухню этакое купить!

Дамы удалились. Суворов с гордостью посмотрел дочери вслед.

– Красавица выросла. Замуж уже пора!

– И что, есть женихи? – спросил я, одевая свой непромокаемый плащ.

– Был у меня хороший офицер, Золотухин; думал их познакомить, да вот, Бог не дал: погиб он в Измаильском деле. Теперь вот, ведём дело с графом Салтыковым Николай Ивановичем о браке с его сыном, Дмитрием Николаевичем. Даст бог, сладиться...

– Понятно, – произнёс я, смутно припоминая, что Суворова в итоге вышла замуж за кого-то из Зубовых. Значит, не выйдет у них с Салтыковым... Впрочем, зачем раньше времени их расстраивать?

Глава 8

Пока Светлейший князь неторопливо ехал на театр военных действий, его заместитель, князь Репнин, развил бурную деятельность. Одержав крупную победу под Мачином, имея полномочия прекратить военные действия на выгодных для России Условиях, он подписал в Галаце предварительные статьи мира. В этих статьях Днестр признавался границей между воюющими державами: Россия приобретала все земли, лежащие между этой рекой и Бугом. Но о Молдавии и Валахии не было ни слова, что крайне взбудоражило Светлейшего князя.

Вихрем примчавшись в Яссы, оттуда в Галац, в сильных выражениях отстранив Репнина от дел, он сам занялся переговорами, сразу дезавуировав снисходительные условия предварительного мира. Он дополнительно потребовал, чтобы Порта срыла укрепления Хотина, обязалась не возобновлять их в Бендерах и Аккермане; чтобы русским военным кораблям, или, по крайней мере, тридцати шести пушечным фрегатам, дозволен был свободный ход через Константинопольский пролив; чтобы признано было покровительство и господство России над вновь покоренными кавказскими народами, над Грузией, Мингрелией и Имеретией; чтобы русские консулы были приняты во все турецкие торговые города, с русской торговли уменьшены были таможенные пошлины. Порта пошла на все эти условия, не согласившись только на одно: обязаться не переменять господарей Валахии и Молдавии по своей воле, но подчинив эту меру согласию дивана румынских бояр и одобрению русского консула. Турецкая дипломатия ясно видела, что это последнее условие придаст оба княжества во власть России и, может быть, предуготовит им участь Крыма – ведь именно с независимости начался переход полуострова под власть России.

Потёмкин давил и угрожал: курьеры Светлейшего никогда так часто не летали во все концы Европы. К нему собрались в Яссы недовольные польские магнаты, замыслившие Тарговицкую конфедерацию под покровительством России, молдавские бояре торжественно повергали себя и всю свою страну под его покровительство. Никто не знал, что дни князя сочтены...

***

В тот день я с утра находился в покоях императрицы, обсуждая состояние дел в российском флоте, когда вошедший секретарь Стрекалов с поклоном передал ей нескрытое письмо.

– Из Тавриды? – спросила она, взламывая печати.

Прочитав бумагу, Екатерина вдруг закрыла лицо руками и разрыдалась.

Степан Фёдорович осторожно принял письмо из её ослабелых пальцев, далеко отставив от себя, прочитал, и тихо сказал мне:

– Григорий Алексеевич умер!

Нельзя сказать что для меня это было большой неожиданностью – несколько раз я писал светлейшему князю и говорил самой Екатерине, что здоровье его непрочно. И всё же я был потрясён

Потемкин, при жизни, стоял наверху земного величия. Он не знал пределов своим замыслам, не знал препятствий их исполнению. Все склонялось пред ним в благоговейном трепете, все повергалось во прах – и обстоятельства, и люди! Он торжествовал за сценой и на сцене, в темных закоулках интриг и на открытом поле славы, при дворе и перед бивуаками, с ключом камергера и с жезлом фельдмаршала – везде встречал он только победы. Его жизнь была непрерывное триумфальное шествование по пути, усыпанному «лаврами и миртами», как говорили тогдашние поэты на благородном классическом языке. И все соединилось в один дружный хор льстивых поклонников, восторженных энтузиастов, все ударило челом любимцу судьбы, все нарекло его избранником судеб – действительность и поэзия, гул толпы и приговор просвещённого мнения, гордость соотечественников и удивление чужеземцев.

Счастье осталось верно ему до самой смерти. Он умер на театре своей славы - перед самую развязкою блистательной драмы, которая через то облеклась заманчивою прелестью таинственности... И какая поэтическая смерть!..

Были, однако же, и вполне прозаические следствия этого события. Смерть Потёмкина, по сути, перевернула всю шахматную доску Российской политики. Говоря казённым языком, открылось вдруг много вакансий: Президент Военной коллегии, наместник Новороссийский, Главнокомандующий на юге, Глава казачьего войска... самая влиятельная персона Империи, наконец!

Сразу же на пир слетелись стервятники: Салтыков, Воронцов, Завадовский, Безбородко бросились делить наследие великана.

Последний находился в Яссах: он вёл переговоры о мире с Турцией. Со смертью Потёмкина Безбородко стал главою делегации, представляя Россию на конференции, где решалась судьба завоеваний нашей северной страны. И теперь после смерти светлейшего Безбородко вознамерился прибрать к рукам всё влияние и тот престиж, которым пользовался Потёмкин.

Роскошные пиры у Безбородко собирали в Яссах всю знатную часть переговорщиков. Правда, у него не было возможности одаривать своих гостей бриллиантами, как это часто делывал Потёмкин, но он старался пышностью и комфортом воспроизводить те пиршества, что задавал светлейший. Слишком свежи ещё были в памяти все сумасбродства князя, все его выходки, а главное — его умение сочетать роскошь с изысканностью и изяществом.

Безбородко не обладал этим умением фельдмаршала, и потому его парадные обеды превращались лишь в перечень изысканных блюд, дорогих фруктов и привозных деликатесов, но подавались они лакеями зачастую в грязных белых перчатках или с оторванными пуговицами на ливреях.

Александр Андреевич изворачивался, как мог: задавал пиры, подобные потёмкинским, приглашая участников переговоров на них, заваливал турецких переговорщиков драгоценными подарками и бриллиантами. Но турецкие уполномоченные были неподатливы, потому что чувствовали поддержку Франции и Польши, а также Швеции.

В итоге, Безбородко не смог добиться на конференции ничего свыше того, что уже выторговал Светлейший князь. При этом долгое отсутствие его в Петербурге сказалось на его позициях самым негативным образом.

Не удалось укрепить своё влияние и Воронцову. Главная схватка произошла между Николаем Ивановичем и мною.

Императрица, потрясённая известием о смерти светлейшего князя, несколько дней была безутешна, не пуская к себе даже Зубова; а когда появилась из своих покоев, могла говорить лишь о своей утрате.

— Ах, чем же мне заместить такого человека? Светлейший князь выполнял столько обязанностей... Он был незаменим! В нем было одно редкое качество, отличавшее его от всех других людей: у него была смелость в сердце, смелость в уме, смелость в душе! Мне опять предстоит дрессировать себе людей!

Да, нельзя не признать, что императрица была права. Широкий был человек Потёмкин, со смелую, дерзновенной душой. Жаль, не пришлось мне поработать с ним побольше! Но теперь я могу лишь постараться, чтобы жалкие эпигоны не изгадили совершенно его наследие.

— Бабушка, — засуетился я, — готов взять на себя все его обязанности, лишь бы была ты покойна!

— Ах, ты так молод, мой друг.... Как же справиться тебе со всем?

— Я буду стараться изо всех своих сил!

— Право, друг мой, не стоит самому так надрываться! Платон Александрович с удовольствием возьмется за все дела...

От поминания Платона Александровича у меня заныли зубы. Непременно этот сукин сын, и вся шайка, за ним стоящая, попробуют подмять под себя всю епархию светлейшего князя! Ни в коем нельзя этого допустить! Потёмкин, конечно, воровал, но при этом ещё что-то делал; а эти будут только воровать, да ещё, пожалуй, вредить.

– Ну, давай, хотя бы военная коллегия останется точно за мною!

Екатерина слабо улыбнулась.

– Экий ты воинственный! И генерал-адмиралом он хочет быть, и военном министром сразу! Никак решил лишить жизни ещё какого-нибудь короля?

– Да ну, что за ерунда! Я там решительно ни при чём. Никто же не знал, что мосье Бонапарте начнет палить по всей акватории картечью!

– Ладно, ладно, я не сержусь. Шведский король, хотя и утоп, зато французский спасён!

– Да, только благодаря тебе, бабушка!

Конечно, я не собирался спасать этого толстого Людовика. Алексей Григорьевич сам написал государыне с предложением вытащить несчастного сидельца из-под фактического ареста, под которым он находился со всею семьёю. Конечно, для этого надо было вступить в сношения с самим королём, но это оказалось вовсе не просто: Бурбоны никому не доверяли, кроме единственного лица – шведского любовника Марии-Антуанетты. Но граф Орлов, с моей помощью совершив невероятное, сумел поставить этого типа под наблюдение, и в последний момент смог-таки переломить ситуацию. Король был спасён, и вскоре они с Марией-Антуанеттой уже оказались в Вене, с ужасом рассказывая о своих приключениях. Предложение императрицы Екатерины посетить Петербург осталось без ответа – когда русский посол Разумовский на праздники в честь спасения высоких особ подошёл с этой идеей к королевский чете, Людовик отделался какими-то хрюкающими междометиями, а королева долго и с возмущением рассказывала нашему посланнику, как непозволительно вёл себя граф Орлов в городке Варенн. Похоже, эти идиоты так и не поняли, что в Варенне стояли на краю гибели, и кто их оттуда вытащил. Одно слово – Бурбоны.

– Ну ладно, – решил я вернуться к нашим баранам, – так всё-таки, что насчёт Военной коллегии?

– Надобно подумать, мой свет!

Я раскланялся, в надежде, что в ближайшее время получу вожденный пост. Контроль над армией был бы мне очень полезен!

Во-первых у нас с Суворовым уже были некоторые идеи насчёт преобразований в военной сфере, и будь у меня главенство в Военной коллегии, дело пошло бы намного веселее. Во-вторых, Военная коллегия – это власть, влияние и большие деньги. На армию выделяют по 20 миллионов в год – это, если что, вчетверо больше, чем на флот. Мне бы очень не хотелось видеть такие деньжищи, и заодно 400 тыс. войска, в руках какого-нибудь обормота Зубова. Ну а в-третьих, только имея под личным контролем армию, можно было всерьёз надеяться на безболезненную передачу мне властных полномочий. Любой другой вариант, увы, этого не гарантировал. Вон, Пётр III: вполне законный был государь, и что с ним стало?

В общем, этот пост был мне очень нужен, и, учитывая предыдущие заслуги, я вполне мог на него рассчитывать. Но на следующий день всё оказалось совсем не так оптимистично!

На совещание по вопросу о назначении президента Военной коллегии меня не допустили. Когда вельможи вышли из кабинета императрицы, все стали хором поздравлять... Платона Александровича! Уязвлённый до глубины души, я вошёл к императрице.

– Бабушка, но отчего же так получилось? Почему же граф Зубов а не я?

– Ах, Сашенька, – извиняющимся тоном отвечала она, – все военные были против, а почему против, я признаться, так и не поняла. Про какие-то ракеты всё толковали... Переговори с графом Николай Ивановичем, должно быть, он лучше объяснит.

Николай Ивановича я застал с Платоном Александровичем: они о чём-то оживлённо беседовали.

Отозвав Салтыкова в сторонку, я спросил его тет-а-тет, что же случилось в Непременном совете.

– Ах, Александр Павлович! Вам очень, очень сильно навредила та история с ракетами! Все господа генералы сделали выводы, что вы чересчур легкомысленно надеетесь на некие чудесные виды вооружений, не разбираясь при этом в собственно артиллерии. Когда же императрица услышала про случай с ракетным снарядом, так неловко развернувшимся в полёте и едва вас не задевшим, очень разволновалась и уже и слушать не хотела о том, чтобы передать вам военное ведомство! У вас и так уже вся Морская коллегия, а ещё её императорское величество решили передать вам новороссийское наместничество и дать чин подполковника гвардии, с возложением шефства над Измайловским ея полком. Это очень, очень весомое назначение, да ещё в ваши-то годы!

Видя моё огорченное лицо, он прибавил:

– Ах, Александр Павлович, голубчик, куда же вы так спешите? Всё хотите серьёзными делами заниматься... Поверьте, они от вас никуда не уйдут, да ещё и страшно успеют вам надоест. Наслаждайтесь жизнью, пока вы так молоды, а дела всё оставьте нам, старикам!

***

В досаде я вернулся к себе. Мы в следующий день стало известно, что Салтыков стал президентом Военной коллегии, а Зубов – генерал-фельдцейхмейстером. Ещё через пару дней я услышал, что папаша Зубова, Александр Николаевич, теперь становится обер-прокурором Сената, а до этого он долгие годы был управляющим салтыковских поместий! Так вот откуда выплыла эта гнида!

Эх, как я жалел, что не написал тогда Потёмкину! Впрочем, ну как бы это выглядело? Особенно неловко бы вышло, ежели бы письмо моё перехватили... Внук 11-ти лет рассуждает о бабушкиных любовниках, да ещё и с её тайным супругом! В общем, решил я тогда, что известное зло лучше неизвестного, ведь *кто-то* обязательно бы появился!

А с другой стороны, если подумать: а чем, собственно, я хуже? Ну неужели не смогу я разыскать какого-нибудь смазливового поручика, пусть даже из армейских, да и предложить его в качестве альтернативы этому длинноносому сукину сыну? Противно, конечно, заниматься такими вещами, но что поделаешь? Не мы такие, жизнь такая!

И я немедленно накропал небольшое письмецо.

Милостивый государь, Александр Васильевич!

Знаю что вы очень заняты. Но всё же, прошу не отказать мне в просьбе. Задумал я тут собрать свой штат пажей, и весьма нуждаюсь в людях. Прошу прислать ко мне несколько офицеров имеющих приятную внешность и деликатное обхождение. Что лишитесь офицеров, вы о том не беспокойтесь: верно, большую часть отошлю назад.

Искренне ваши

цесаревич Александр Павлович.

Затем я нашёл Марью Саввишну Перекусихину.

– Марья Саввишна, дело у меня есть... но настолько деликатного свойства, что не знаю даже как и подступиться. Только вы, с вашим знанием всех изгибов души государыни, с вашим тактом и мудростью сможете сие разрешить!

– Да что такое, Сашенька? Ты пугаешь меня! – не на шутку всполошилась она.

– Да вот намерен видел я госпожу Головину с Платоном Александровичем в очень-очень компрометирующей их обстановке. Сидели они в тёмном уголке в Эрмитаже и очень так знаете

тесно друг к другу... и то ли целовались, то ли обнимались, я конечно рассматривать не стал, но...

Перекусихина сделала страшные глаза. Именно в Эрмитаже когда-то предыдущий фаворит Мамонов встречался с малолетней княжной Щербатовой, что и закончилось в итоге воцарением Платоши Зубова. Страшно даже подумать было, как может отреагировать государыня на такие сведения!

– Ладно Сашенька, – наконец отвечала Мария Саввишна. – Надобно помыслить, как это донести до Екатерины Алексеевны...

– На вас вся надежда!

Кстати, раз уж мы вспомнили про предыдущего фаворита – а не пригласить ли его в гости, по старой памяти, так сказать? Александр Матвеевич не так давно писал мне, сообщая, что хотел бы вернуться и вопрошал, каковы настроения на сей счёт у Императрицы. Я ничего ему не отвечал, зная, что Екатерина никогда не возвращается к прошлому... и, может быть, зря.

***

В двенадцатом часу ночи вдруг в мою дверь постучали.

– Ваше императорское Высочество! Там Платон Александрович Зубов к вам с аудиенцией! – сообщил заглянувший паж. – Я говорил, что время позднее, да они настаивают!

– Ну, пусть зайдёт, чёрт с ним!

Когда фаворит появился на пороге моей гостиной, я был поражён. Во-первых, он был одет в роскошный халат, что довольно-таки неприлично для визитов даже к близким друзьям. Во-вторых, лицо его в неверном свете свечей было бледно и просто-таки залито слезами.

– Александр Павлович, да что же это? Государыня императрица не пустила меня в свои покои! Ужели вы гибели моей ищете? Я всегда и всецело предан и государыне, и вам, и всему семейству вашему! Вы, верно, обознались – не было меня с Головиной!

– Ну, может, и обознался – что за незадача! Всякое бывает!

– Ну так скажите государыне, что мол, точно не знаете кого вы там видели!

– Ну не знаю, не знаю... Я, пожалуй, подумаю!

И тут этот сукин сын бросился на колени и начал целовать мне руку! Ни больше, не меньше!

– Оставьте меня, я спать хочу! – грубо сказал я, вырывая ладонь из его плотных ручек.

– Но я могу надеяться, Александр Павлович?

– Говорю, посмотрим!

И растрёпанный Зубов ушёл.

Утром меня посетила другая сторона интриги – фрейлина Головина. Надо сказать, что дама эта была весьма популярна при дворе: остроумная, чувствительная, восторженная, обладала талантами и любовью к изящным искусствам, отличалась незаурядным умом и разнообразными талантами. Прекрасно рисовала и сочиняла изящные романсы, которые сама же пела, аккомпанируя себе на фортепиано, прекрасно знала все литературные новости Европы, которые становились ей известны одновременно с их появлением в Париже. Увы, к этому добавилась склонность к интриганству, вообще распространённая при дворе.

– Ваше высочество, Александр Павлович, я, просто сражена: совершенно неожиданно стала вдруг жертвою чудовищной клеветы! Это ужасно; неведомые мне зложелатели поставили меня на грань гибели! Скажите, ну скажите же мне, что это неправда, будто бы вы с этим как-то связаны! Право же, было бы безумием подозревать такого благородного человека, как вы!

Вот сучка, на благородство давит.

– Варвара Николаевна, я вижу, что вы оценили губительность сплетен. Я рад тому; возможно, этот урок заставит вас задуматься. Слушайте теперь меня: если вы, хоть раз ещё протянете свой язык в адрес графини Суворовой, вас будут ожидать совершенно неожиданные, но очень печальные последствия. Я обещаю. И запомните вот что – я, конечно, благороден, но

и не дурак. Если надо будет, соберу всё своё благородство да и засуну куда поглубже, дабы не мешалось делу. Надеюсь, мы поняли друг друга.

***

Суворов на удивление быстро исполнил мою просьбу, и через несколько дней в моём распоряжении было уже с полдюжины молодых офицеров. Явившись на этот своеобразный кастинг при всём армейском параде, они так громко гремели бофортами и эспадронами, что Николай Иванович прибежал посмотреть, что тут у меня происходит.

– Что это за brave господа? – удивился Салтыков, увидев в моей гостиной непринуждённо чаёвничающих армейских офицеров.

– Да вот, Николай Иванович, штат себе подбираю. Вы же слышали, что императрица решила составить мне двор? Ну вот, эти господа могут стать там пажами, камер-юнкерами, муншенками... Только надо их сначала государыне представить. Как вы думаете, понравились бы эти ребята Императрице?

– Отчего же здесь Императрица? Вы же себе пажей подбираете, а не государыне...

– Ну, так.... на всякий случай. И, кстати подумал, может приближу к себе Александр Матвеевич. Он там у себя в Москве скучает, всё в Петербург просится. Как думаете, стоит его пригласить?

Ничего не ответив, Салтыков ушёл от меня в глубочайшей задумчивости.

***

На следующий день граф Салтыков зашёл ко мне поутру, пока я ещё не отправился в адмиралтейство. С ним же был и Платон Александрович, а также его отец – Александр Николаевич Зубов.

– Александр Павлович! Вижу, сердчаете на нас. А мы, промежду тем, желаем лишь добра вашей августейшей бабке вашей, и готовы служить ей всеми силами. И вам с нею заодно, – ведь всё ваше будет! Давайте дружить: а чтобы споров у нас не было, разделим все интересы, да и дело с концом. Как вам такое?

– Давайте, я ссор не люблю. Только как мы всё «разделим»?

Николай Иванович принял вид мудрого и справедливого старейшины, вещающего с высоты прожитых лет.

– Извольте видеть: Платон Александрович человек военный, ему же и карты в руки! Пусть ведаёт делами военными, получит место генерал – инспектора по кавалерии и пехоте, и генерал-фельдцейхмейстера. А раз он военные дела ведаёт, так и во внешних сношениях должен вес иметь: ведь война с дипломатией идут рука об руку! Вам же досталось морское ведомство; в прибавку к тому примите начальство над Новороссийским краем, со смертью светлейшего князя освободившееся, да и начальство над всеми промышленными и торговыми установлениями, что граф Воронцов ведал. И так будет дела делать, к вящей славе Отечества, да друг другу не мешать. С государыней я уже переговорил, издалека, правда, но всё-таки, и нашёл полное понимание и поддержку. Мне ведь важно, дабы был в Империи мир и благополучие, безо всяких там околичностей. Так что вы на это скажете?

И посмотрел мне в глаза самым добрым и любезным взглядом.

Глядя в глаза Николая Ивановича, «которые не могут не лгать», я прекрасно понимал, что меня хотят развести, не понимал только, в чём именно.

– Послушайте, Николай Иванович, но ведь невозможно же чётко раз и навсегда нам всё разграничить! Вот скажем, торговля: если я беру её в руки, то надо будет и заключать внешне-торговые трактаты, а это уже внешняя политика; или, скажем, Новороссийское губернаторство: оно неотторжимо от командования Черноморским и Воскресенским казачьими войсками!

– Александр Павлович! – вскричал Салтыков, размахивая руками, будто сшибал ладонями невидимых пчёл – Ну что вы, миленький! Да договоримся же, как есть договоримся!

– Ну, это как-то неконкретно. И главное: каковы гарантии?

Салтыков посмотрел на меня так, будто я его штыком пырнул.

– Александр Павлович! Ну, мы же благородные люди! Что вы, как можно!

– Да знаете, как оно бывает – один забыл, другой подумал иное, раз-два – и вот уже недо-разумение, скандал в благородном семействе. Благонамеренность, знаете ли, не помогает от невольных промашек, – уж очень дела-то у нас с вами сложные! Потому, Николай Иванович, давайте-ка мы сделаем бумагу, где и распишем всё подробно, да назначим над нами третейского разбирателя для спорных вопросов!

Николай Иванович сделал вид, что поражён до глубины души, да так, что не может и слова сказать.

– Мудрость! – вдруг воскликнул он, воздевая руки к потолку. – Невероятная мудрость так и искрится в словах ваших! О, как счастлив я в сей миг – знаю, Россия перейдёт в надёжные руки!

Вот же сукин сын! Знаю, что лапшу вешает, а всё равно приятно. Нейролингвистическое программирование, мать его!

В общем, за несколько дней составили мы документ. Кроме морского ведомства, промышленных заведений и коммерции, в моём ведении оказалось также должности генерал-инспектора по пехоте, шефа Измайловского полка, Академия наук, Новороссийская генерал-губернаторство и два казачьих войска – Вознесенское и Черноморское.

Одно осталось непонятным. И в чём же засада?

Глава 9

Снег лёг на просторы Российской империи. Все дороги из ужасной, мучительной пролонгированной пытки превратились во вполне приятные, ровные санные пути, по которым наши предки издавна покрывали огромные расстояния, молясь лишь о том, как бы не сбиться с правильного направления и не попасть в степной буран. И вот, по этому свежему снегу из далёкого Кременчуга ко мне прикатил доктор Самойлович.

Я принял его немедленно, причём «по-взрослому» – не в детском кабинетике Зимнего дворца, где ещё стоят в сторонке наши с Костей деревянная горка и качели, а в новом кабинете в Адмиралтействе.

Итак, Даниил Самуилович Самойлович. За 50, мясистые губы, умные, много повидавшие глаза. Руки изуродованы страшными ожогами. И где он их раздобыл?

– Благодарю вас, доктор, что прибыли ко мне так скоро. Вы ехали на почтовых? Ваши издержки будут непременно оплачены! А сейчас расскажите: я слышал, в южной армии вы поставили госпитальное дело на небывалую высоту! Граф Суворов вас очень хвалил, сожалея, что в Финляндской нашей армии дело поставлено по-иному...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.